

УДК 351.746.1-051(477.73):343.1]«1939/1941»(045)

Марк ЮНГЕ*

**«Козлы отпущения» сопротивляются:
процессы над нарушителями
«социалистической законности»
в Николаевской области в 1939-1941 гг.**

Исследуются обстоятельства обвинения сотрудников УНКВД по Николаевской области в массовых арестах и убийствах граждан во время «Большого террора», проведения судебных процессов над чекистами.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, Николаевская область, «Большой террор».

За добро не жди добра
Пословица

Секретные агенты под кличками «Герд», «Добровольский» и «Иванов» в один голос информировали руководство Секретно-политического отдела (СПО) УНКВД по Николаевской области в апреле–мае 1939 г. об опасном заговоре среди бывших подследственных, недавно вышедших на свободу. Задача этого отдела как раз заключалась в борьбе с политическими противниками советской власти, включая троцкистов, правых уклонистов, «церковников» и сектантов, а также националистов. В изложении агентов заговор выглядел настолько опасным, что начальник УНКВД по Николаевской области Иван Тимофеевич Юрченко сообщил о нем республиканскому руководству НКВД.

В заговоре, помимо всех прочих, принимали участие лица, занимавшие руководящие посты на имевшем важное оборонное значение Николаевском судостроительном заводе № 200, где трудились около 9000 рабочих и служащих. Эти «заговорщики» полугодом ранее были арестованы чекистами как члены троцкистской группы по обвинению в попытке организации саботажа и диверсии на заводе в целях уничтожения верфи с помощью пожара.

* *Юнге Марк (Junge Marc)* – доктор історичних наук, науковий співробітник Інституту історичних наук Рурського університету (м. Бохум, ФРН).

Однако карающая рука государства поразительным образом обрушилась летом 1939 г. не на мнимых троцкистских заговорщиков, а на трёх руководящих сотрудников СПО УНКВД, на связи у которых находились упомянутые выше агенты. Чекисты были арестованы и осуждены 23 марта 1941 г. трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа за «нарушение социалистической законности» и «злоупотребление служебным положением». Их приговорили к расстрелу, 10 и 8 годам лишения свободы. Вместе с ними приговор получил бывший начальник УНКВД по Николаевской области Пётр Васильевич Карамышев, осуждённый к расстрелу¹.

Ядро обвинительного заключения против сотрудников НКВД состояло в том, что они вынудили агентов фальсифицировать сведения о тайной группе заговорщиков с целью представить свои действия во время массовых операций НКВД в выгодном свете и тем самым спасти «свои шеи». Эти действия, согласно обвинению, сводились к «незаконным мерам воздействия», т. е. к применению пыток в отношении подследственных, а также фабрикация дел, улик и фальсификации материалов следствия.

Как же случилось так, что были арестованы и осуждены не члены мнимой «контрреволюционной троцкистской саботажнической организации», обвинявшиеся в подготовке крупной диверсии на оборонном судостроительном предприятии, а сотрудники НКВД, которые всего лишь несколько месяцев назад были всесильными? Соответствовало ли действительности обвинение в грубом нарушении чекистами «социалистической законности» в ходе допросов подследственных? Шла ли в случае с осуждёнными сотрудниками УНКВД по Николаевской области речь о тех должностных лицах, которые, согласно «полуофициальному»² постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября

¹ В. Золотарёв вписывает Карамышева в клан начальника УНКВД Ленинградской области Л. М. Заковского. См: *Золотарьов В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення.* – Харків: Фоліо, 2004. – С. 95, 100, 101, 140, 246–247, 299.

² «Полуофициальный» означает, что это постановление никогда не публиковалось, но, тем не менее, широко обсуждалось в партии, государственном аппарате и сотрудниками НКВД на специальных собраниях.

1938 г.³, своими «ошибочными» действиями дискредитировали в целом правильную и необходимую кампанию по борьбе с внутренними врагами, которая велась в течение полутора лет? Или сотрудников НКВД надо, в первую очередь, рассматривать как «козлов отпущения», которые должны были освободить партию и государство от ответственности за массовый террор, осуществлявшийся в масштабах всего Советского Союза и немногим ранее остановленный приказом Москвы? Или главной целью репрессий в отношении чекистов была нейтрализация клана впавшего в опалу бывшего наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова, чтобы обеспечить успешность клана его преемника Л. П. Берии?

Пожар

Пожар на огромном судостроительном заводе, расположенном на окраине г. Николаева, на берегу реки Южный Буг, месте защищённого выхода в Чёрное море, начался 2 августа 1938 г. около 19 часов, причём центр возгорания находился на территории сердца верфи – её производственного цеха. У быстрого распространения пожара имелись свои причины, поскольку на «территории объекта, насколько хватает глаз, были разбросаны стружки, баллоны с кислородом, различные отбросы и проч.». Пожарная охрана не смогла справиться с огнём и заводу грозило полное уничтожение⁴. В результате два человека погибли, тридцать получили ранения, материальный ущерб от пожара составил 2,6 млн рублей⁵.

Последние очаги пожара ещё догорали, когда руководство УНКВД по Николаевской области прибыло на место происшествия. Начальник областного управления П. В. Карамышев позднее не без гордости сообщал о том, что

³ См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17.11.1938 //Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М., 2004. – С. 607–611.

⁴ Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі – ГДА СБ України), ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 165.

⁵ Держархів Миколаївської обл., ф. 5859, оп. 2, спр. 5747, арк. 330–331.

«ценой огромных усилий нам удалось ликвидировать пожар и спасти завод при помощи местных коммунистов и вызванных нами войсковых соединений [и] частей»⁶.

Расположившись в кабинете директора завода, чекисты незамедлительно приступили к допросам и поиску виновных. Поздним вечером Карамышев уже принимал участие в экстренном заседании оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области⁷, где он намеревался заручиться поддержкой партийного руководства для осуществления мер по линии УНКВД. Оценка, данная пожару на заседании оргбюро, гласила:

«Бюро Обкома считает, что [...] пожар есть диверсионный акт врагов, проведённый в результате потери классово-бдительности и преступной расхлябанности заводоуправления и заводского партийного комитета»⁸.

Карамышев, изначально убеждённый в том, что речь шла не об обыкновенном пожаре по небрежности, а об акте саботажа, сохранивший эту уверенность до конца, приказал собрать все компрометирующие материалы на персонал завода и провести аресты подозрительных лиц⁹. После того, как чекистам стало ясно, кому предстоит выступить в роли главных подозреваемых, руководство управления отправило в Москву телеграмму, ставя в известность о случившемся вышестоящее начальство¹⁰.

Расследование дела поручили СПО, т. е. 4-му отделу УНКВД по Николаевской области, который в конце 1938 г. был переименован во 2-й отдел¹¹, поскольку к этому времени «под крышей» отдела также находилось отделение, «обслуживавшее»

⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1. арк. 165.

⁷ После поголовных арестов членов бюро обкомов КП(б)У в областях создавались оргбюро ЦК КП(б)У, которые действовали до проведения областных партийных конференций и официального избрания новых составов обкомов и бюро обкомов КП(б)У.

⁸ Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 20, арк. 130–131.

⁹ ГДА СБ України, ф. 5. спр. 67990, т. 13, арк. 112, 121, 129, 229.

¹⁰ Там само, арк. 424.

¹¹ В большинстве используемых документов, которые датируются большей частью 1939 г. и позже, речь идёт не о 4-м, а о 2-м отделе УНКВД Николаевской области. В конце 1938 г. изменилась структура НКВД, в ходе которой 4-й отдел (СПО) был реорганизован во 2-й отдел.

предприятия оборонной промышленности, во главе с его начальником П. С. Волошиным¹².

Из числа арестованных работников завода в конечном итоге к суду были привлечены 11 человек. По инициативе начальника СПО УНКВД Я. Л. Трушкина восемь главных подозреваемых в поджоге верфи были переданы в руки военного трибунала, ещё троих второстепенных обвиняемых следователи отправили на суд Особой («национальной») тройки¹³.

В то время как судебный процесс против главных обвиняемых в рамках разбирательства военного трибунала всё откладывался, «национальная» тройка 26 октября 1938 г., т. е. спустя два месяца после инцидента, осудила всех трёх обвиняемых к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение немедленно¹⁴.

Через несколько дней после пожара Управление НКВД по Николаевской области вновь впало в состояние лихорадочной деятельности. Сначала К. И. Ефремов¹⁵, который, также как и Волошин, был в своё время начальником «оборонного» отделения СПО, объехал с инспекцией для проверки мер противопожарной безопасности два самых больших судостроительных завода: № 200 им. 61-го коммунара¹⁶ и завод № 198 им. Андре

¹² По данным П. С. Волошина, 4-й отдел находился на то время в состоянии реорганизации. Из его состава должно было быть выделено отделение, отвечавшее за «обслуживание» оборонных предприятий, которое подлежало преобразованию в самостоятельный отдел. Но на момент пожара на судостроительном заводе этого ещё не случилось. Лишь в конце 1939 г. произошло выделение самостоятельного 7-го отдела, курировавшего судостроение. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–236.

¹³ Там само, арк. 226, 424. Об осуждении этих трёх человек «национальной» тройкой см.: Там само, арк. 484–488.

¹⁴ Там само, арк. 484–488.

¹⁵ Константин Иванович Ефремов в 1940 г. работал помощником директора завода им. А. Марти по кадрам. См.: Там само, арк. 111–226.

¹⁶ Одно из старейших судостроительных предприятий Российской империи. На этом заводе был построен броненосец «Князь Потёмкин Таврический», впоследствии – «Святой Пантелеймон». В 1920 г. было реорганизовано под названием «Тремсуд» («Трест морского судостроения») путём слияния трёх заводов: «Руссуд», «Ремсуд», «Тэмвод». В 1931 г. завод был переименован в память о 61-ом рабочем судостроительного завода «Руссуд», которые были расстреляны денкинцами в ночь на 20 ноября 1919 г.

Марти¹⁷. Инспекция обнаружила катастрофическое положение противопожарной безопасности. На территории завода № 200 рядом с путями железной дороги находились нефтяные цистерны, которые в любой момент могли загореться от искр паровозов, курсировавших мимо. На территории завода № 198 повсюду была складирована древесина. Тем не менее, Ефремов смог отрапортовать:

«Лишь благодаря вмешательству УНКВД всё это было устранено».

О результатах своей проверки Ефремов также докладывал на заседании Николаевского обкома КП(б)У¹⁸.

После Ефремова к расследованию подключился П. В. Карамышев. Он тщательно и подробно ознакомился с материалами дела и после этого проинформировал обком КП(б)У, который на основе доклада Карамышева принял постановление «Об очистке фабрики», разрешив дополнительные аресты, проведённые сотрудуниками НКВД¹⁹.

Следует отметить, что органы госбезопасности и до пожара не выпускали судостроительные заводы из поля своего зрения. По словам Ефремова, Карамышев лично неоднократно посещал верфи и ему удалось с помощью арестованных инженеров (которые не назывались здесь поимённо) «наметить меры» для улучшения организации рабочего процесса²⁰. Сам Карамышев заявлял о целом «букете» проблем. Так, судостроительный завод им. А. Марти из года в год не выполнял план и на заводе «систематически» случались пожары и несчастные случаи. Этот завод, по данным Карамышева, настолько пришёл в упадок, что там постоянно находилась группа сотрудуников НКВД. И если бы не аппарат НКВД, поддержанный обкомом КП(б)У, то пожар

¹⁷ Андре Марти (André Marty) (1886–1956) – французский коммунистический деятель, член Национального собрания Франции в 1924–1955 гг. (с перерывами), секретарь Коминтерна в 1935–1943 гг., политический комиссар Коминтерна, руководивший интернациональными бригадами в Испании в 1936–1938 гг.

¹⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

¹⁹ Там само, арк. 174.

²⁰ Там само.

окончательно уничтожил бы доки предприятия²¹. В другом месте Карамышев нарисовал плачевную картину состояния уже обоих судостроительных заводов:

«Сотрудники УНКВД целыми группами сидели на заводах и устраняли все имеющиеся недочёты. Если бы не сотрудники УНКВД, то бесконечные аварии и пожары угрожали бы уничтожению заводов»²².

Аресты, сопровождавшие деятельность НКВД по контролю над ситуацией на заводах, Карамышев в конечном итоге расценивал как большой успех:

«В результате наших мероприятий, проведённых по линии судебной тройки, мы создали и добились того, что оборонные заводы стали не только выполнять, но и перевыполнять государственные задания и планы по товарной продукции»²³.

Ещё один ключ к успеху начальник УНКВД видел в оперативных чекистских мероприятиях. В частности, Карамышев писал:

«В результате наших оперативных мероприятий, смены вражеского руководства [...], а также и более энергичного вмешательства парторганов, заводы стали быстро выходить из прорывов»²⁴.

Таким образом, НКВД был теперь не только политической полицией, главной целью которой были идейные противники режима, но также учреждением, отвечавшим за устранение социальных проблем карательными методами. Дополнительно функция надзора органов госбезопасности за экономикой в годы «Большого террора» была серьёзно усилена. На органы были возложены задачи осуществления контроля за ключевыми отраслями экономики вплоть до улаживания организационных проблем. Главной задачей органов в экономической сфере являлись стабилизация работы важнейших промышленных предприятий и обеспечение функционирования колхозной системы.

²¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 227.

²² Там само.

²³ Там само, арк. 263.

²⁴ Там само, т. 1, арк. 165.

Троцкистская саботажническая организация

Ядро троцкистской саботажнической организации, которая, по версии НКВД, несла ответственность за пожар на заводе № 200, составляли инженеры и техники. На первом месте среди них находились Л. П. Фомин, с 1933 г. занимавший должность начальника корпусного цеха завода, А. Е. Гаврилов, заместитель начальника цеха, выгоревшего в результате пожара, и Л. М. Гладков, помощник начальника цеха²⁵. К руководящему ядру организации были также причислены С. С. Меламуд – заместитель начальника корпусного цеха, Г. П. Афанасьев – начальник участка корпусного цеха, Д. А. Бондарь – начальник ещё одного участка корпусного цеха, А. И. Базилевич – мастер электросварки завода, Т. И. Чикалов – старший мастер корпусного цеха и В. И. Носов – сортировщик корпусного цеха завода № 200²⁶.

Лицами, в меньшей степени замешанными в саботаже, чекисты считали заведующего техническим нормированием корпусного цеха А. А. Барсукова, мастера цеха Н. В. Чернохатова и начальника штаба ПВО завода № 200 С. В. Мацковского²⁷.

Первоначально чекисты также включили в группу саботажников директора судостроительного завода Н. В. Щербину, инженера Г. В. Бабенко и преподавателя кораблестроительного института М. Ф. Чулкова²⁸.

Расследование дела в отношении Фомина, Щербины, Базилевича и Гаврилова было поручено СПО УНКВД во главе с Трушкиным. Допрашивал подследственных Трушкин с подчинёнными Г. С. Зельцманом, М. В. Гарбузовым и К. А. Ворониным²⁹. Следствие в отношении Бабенко вели сотрудники «оборонного» отделения этого отдела УНКВД³⁰.

В сценарии саботажа, «реконструированного» общими силами ряда подразделений УНКВД, ключевая позиция отводилась

²⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 129, 112.

²⁶ Там само, т. 2, арк. 30–32; т. 3, арк. 274–287.

²⁷ Там само, т. 11, арк. 347–358; т. 2, арк. 42–47; т. 1, арк. 131–134.

²⁸ Там само, т. 1, арк. 79–81.

²⁹ Там само, т. 2, арк. 23–26.

³⁰ Там само, т. 1, арк. 165.

Фомину. Сотрудники СПО добились от него показаний, что он и другие лица планировали акт саботажа. Лично Фомин не смог принять участия в поджоге лишь потому, что был арестован почти за две недели до пожара, а именно 20 июля 1938 г. Однако на допросе, состоявшемся сразу после пожара, Фомин показал:

«Практическую работу по подготовке диверсионного акта проводил начальник участка Афанасьев»³¹.

Обвинение против Фомина подкреплялось информацией о его подозрительном прошлом. В частности, Карамышев сообщал:

«Ещё до ареста Фомин был разоблачён заводской парторганизацией в том, что он поддерживает постоянную связь с кадровым троцкистом [Ф. Я.] Плетнёвым – бывш[им] директором завода № 200, проживавшим в Сталинграде»³².

Уликой выступала переписка между Фоминым и Плетнёвым, конфискованная при аресте³³. Кроме того, чекисты утверждали, что Фомин использовал служебную командировку в Ленинград для того, чтобы по пути встретиться с Плетнёвым в Сталинграде, а после этого «по взаимному сговору» со своим непосредственным начальником, главным инженером Бабенко, «сфабриковал» документы, в которых Плетнёв описывался как хороший руководитель судостроительного завода, хотя во время его директорства верфь не выходила «из хронического прорыва» и выполняла план только на 40–50%.

В это же время, согласно Карамышеву, в УНКВД поступили дополнительные материалы о Фомине, которые уличали его в прямой (и многолетней) саботажнической деятельности³⁴. Так, две специально образованные комиссии, первую из которых возглавляли инженеры М. Н. Гордиенко и Ф. С. Степаненко, а вторую – Гордиенко (в её состав вошли начальник планово-производственного отдела Е. Г. Магилевский и мастер разметной корпорации цеха № 1 завода № 200 Г. И. Цекановский), установили наличие «конкретных данных» о том, что

³¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 2, арк. 30–32.

³² Там само, т. 1, арк. 159.

³³ Там само.

³⁴ Там само, т. 13, арк. 160.

«Фомин ещё в 1933 г., вопреки протестам рабочих [А. М.] Шорина и др., сознательно игнорируя механические условия и требования, предложил строить подводную лодку “Малютка” из явно недоброкачественных материалов. Мастер Шорин был отстранён от работы, а вместо него Фомин выделил троцкиста Василюева, допускавшего сплошной брак в работе; вместе с врагом Щербиной Фомин организовал вредительскую работу на судах 1075 и 1076, предназначавшихся для ДВК³⁵, в 1936 г. Фомин и Бабенко организуют аварийный спуск корабля № 208. В 1938 г. Фомин и Бабенко во вражеских целях сооружают диктовую изгородь вокруг важнейшего объекта (опытные отсеки), сознательно загромождая этот объект легко воспламеняющимися материалами» и т. д.³⁶

Карамышев сделал вывод, что троцкистская саботажническая группа сознательно создавала условия для пожаров, взрывов и несчастных случаев за счёт того, что

«они явно саботировали противопожарные мероприятия, игнорировали технические требования безопасности, захламляя завод ненужными и легковоспламеняющимися материалами»³⁷.

Для того, чтобы очистить территорию завода, потребовались несколько рабочих поездов и месяцы работы.

Однако даже «обстоятельные и конкретные мероприятия по общей и противопожарной охране заводов», выработанные под контролем УНКВД на основании проведённых обследований и поддержанные, в свою очередь, авторитетом ЦК КП(б)У, обязавшего директора судостроительного завода незамедлительно претворить их в жизнь, не смогли предотвратить большой пожар 2 августа 1938 г., поскольку саботаж, по словам Карамышева, пустил глубокие корни³⁸.

Прямая увязка «головки» троцкистской саботажнической организации с пожаром было, таким образом, только «делом

³⁵ Дальневосточный край, т. е. для Тихоокеанского флота.

³⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 159; Держархів Миколаївської обл. ф. 5859, оп. 2, спр. 5747, арк. 323–324 зв., 330–331.

³⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 164.

³⁸ Там само, т. 13, арк. 164.

техники». А. П. Федотов, сотрудник ЭКО УНКВД³⁹ по Николаевской области, позднее сообщал со знанием дела:

«Как только его [Фомина] доставили в НКВД, он расплакался и сразу дал показание об участии его в к-р организации»⁴⁰.

Согласно Карамышеву, Фомин сознался в том, что «он много наделал вреда Советской власти»⁴¹. Уже спустя 10 дней после его ареста, т. е. за три дня до пожара на заводе, благодаря объёмным показаниям Фомина, чекисты смогли документально подтвердить существование крупной троцкистской группы, которая под его руководством вела саботажническую подрывную деятельность.

Сразу после ликвидации пожара сотрудники НКВД в ходе допросов получили от Фомина показания, отчасти собственноручные, в которых он подтверждал свою руководящую роль в прошлых актах саботажа и признал свою вину за пожар. Это случилось 28 августа 1938 г. в присутствии военного прокурора и заместителя прокурора по спецделам Карпенко; во время очной ставки с Барсуковым и Афанасьевым – 24 августа 1938 г.; с Меламудом – 8 декабря 1938 г., а также 1 и 14 декабря 1938 г. в «расширение» прежних показаний. Причём, в декабре 1938 г. Фомин

«снова клялся в том, что он дал следствию откровенные, правдивые и исчерпывающие показания о своей вредительской деятельности»⁴².

8 декабря 1938 г. Фомин, в том числе, подтвердил результаты проверки обеих «экспертных» комиссий⁴³. Но и этого было недостаточно. Ведущую роль Фомина в диверсиях подчёркивали в показаниях, а также во время очных ставок многочисленные свидетели. В их числе Муратов, бывший секретарь Николаевского горкома КП(б)У, арестованный 12 или 13 мая 1938 г., и М. Ф. Волков, бывший секретарь оргбюро ЦК КП(б)У по Нико-

³⁹ Де-факто экономические отделы были восстановлены в областных управлениях НКВД Украины в начале 1939 г.

⁴⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁴¹ Там само.

⁴² Там само, т. 1, арк. 161–162.

⁴³ Там само, т. 13, арк. 163.

лаевской области, осуждённый 23 сентября 1938 г. к высшей мере наказания⁴⁴.

«Правая рука» Фомина, Афанасьев, был арестован вечером 2 августа 1938 г. на рабочем месте заместителем начальника СПО М. В. Гарбузовым⁴⁵. Во время пожара Афанасьев работал на заводе в свою смену⁴⁶. Он признал своё участие в организации пожара. Позднее его показания были подтверждены Чикаловым, который признался в том, что осуществил поджог вместе с Афанасьевым⁴⁷.

Общая картина, согласно которой в Николаеве орудовала крупная троцкистская саботажническая организация, всё время дополнялась и уточнялась за счёт информации о главных «соратниках» Фомина. Так, инженер Гладков, который, как и Фомин, был арестован до пожара, а именно 28 июля 1938 г., был к тому времени исключён из партии – по данным Карамышева – «за правотроцкистскую деятельность и резкие выпады против вождя партии Сталина», причём этому имелось множество подтверждений со стороны коммунистов и беспартийных⁴⁸. Гладков также поддерживал прямой контакт с троцкистом В. К. Клигерманом, бывшим секретарём Сталинского райкома КП(б)У Одессы⁴⁹.

Инженер Гаврилов, арестованный николаевскими чекистами 27 июля 1938 г., был исключён из рядов ВКП(б) в 1937 г. «за покровительство и связь с троцкистами», а также «за потерю классово-бдительности и связь с врагами»⁵⁰. По данным Гарбузова, в 1-м отделении 4-го отдела также имелся «обработанный материал на вербовку Гаврилова» в целях разработки троцкистской организации, а также

⁴⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 6, арк. 100–107; т. 13, арк. 111–226 зв.

⁴⁵ Там само, т. 2, арк. 30–32.

⁴⁶ Там само, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁴⁷ Там само, арк. 405–458.

⁴⁸ Там само, арк. 46–49 зв.; т. 3, арк. 155–164.

⁴⁹ Там само, т. 13, арк. 111–226 зв. Клигерман был осуждён по обвинению в троцкизме.

⁵⁰ Там само, арк. 111–226 зв., 405–458; т. 2, арк. 23–26.

«выписка из показаний осуждённого [троцкиста и бывшего директора судостроительного завода им. Андре Марти] С. А. Степанова об участии Гаврилова в троцкистской организации и материалы партийной проверки о связях Гаврилова с репрессированными троцкистами».

Ещё один чекист, начальник 1-го отделения 2-го отдела УНКВД К. А. Воронин, заявил, что Гаврилов

«на протяжении ряда лет был связан с кадровыми троцкистами: Клигерманом, Гаевым, Сухановским и др.»⁵¹.

Помимо этого, согласно Карамышеву, у сотрудников НКВД имелись показания, изобличавшие Гаврилова в «открытых фашистских высказываниях в камере»⁵². Арест Гаврилова был произведён, в том числе, в результате показаний, данных против него «троцкистом» Д. Т. Стародубцевым⁵³. Позднее Воронин заявлял, что

«Гаврилов сразу же после ареста или на следующий день дал мне обширные показания о принадлежности к правотроцкистской организации»⁵⁴.

Карамышев добавил к этому «букету» ещё и обвинение в «антисоветской агитации», которую Гаврилов якобы вёл «даже на улице, открыто на глазах»⁵⁵. По показаниям чекистов, Гаврилов, Гладков и Фомин находились под наблюдением «органов» в течение последних шести-семи лет⁵⁶.

В отношении остальных членов «троцкистской саботажнической организации» НКВД располагал гораздо меньшим количеством компрометирующих материалов. Однако в глазах чекистов их было достаточно для ареста и осуждения. Меламуд, арестованный 5 октября 1938 г. на основании показаний Фомина, был, по данным Карамышева, «старым кадровым сионистом», членом сионистской националистической организации,

⁵¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 155–164, 244–253.

⁵² Там само, т. 13, арк. 405–458.

⁵³ Там само, т. 3, арк. 155–164.

⁵⁴ Там само, т. 13, арк. 405–458.

⁵⁵ Там само.

⁵⁶ Там само, арк. 232; т. 1, арк. 166.

занимавшимся вербовкой в троцкистскую группу. Он знал, как себя вести на допросах, а также якобы знал поимённо многих членов этой группы. Чтобы уличить Меламуда в саботажнической деятельности, были вновь сформированы две экспертные комиссии: одна под руководством инженера М. Г. Никифорова, другая – под руководством инженера Гордиенко, который уже выступал экспертом по делу Фомина. Дополнительно также были проведены опросы по меньшей мере четырёх свидетелей⁵⁷.

Техник Бондарь, арестованный 3 августа 1938 г., работал перед пожаром в утреннюю смену⁵⁸. В ходе нескольких очных ставок с Чикаловым, состоявшихся в присутствии помощника военного прокурора Курова (Чикалов был допрошен в первые часы после пожара 2 августа и арестован 7 августа 1938 г.), Бондарь показал, что он и Чикалов являются членами «антисоветской организации», при этом Чикалов принимал личное участие в поджоге⁵⁹. Согласно Чикалову, Бондарь дословно заявил во время одной из очных ставок следующее:

«Мы совершили поджог и должны встать на колени перед совластью»⁶⁰.

Но самым опасным, по версии руководства УНКВД, было то, что троцкистская саботажническая организация действовала не в одиночку, а была частью разветвлённого правотроцкистского заговора, охватившего всю Николаевскую область и имевшего связи с троцкистами в других областях СССР. Так, уже в 1937 г., во время одного из выездных заседаний Военной коллегии Верховного суда СССР, имени Фомина, Гаврилова и Меламуда упоминались в показаниях обвиняемых. Также в ходе открытого судебного процесса против Степанова, бывшего директора завода № 200, неоднократно «всплывало» имя Гаврилова⁶¹.

⁵⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.; т. 1, арк. 166.

⁵⁸ Там само, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁵⁹ Всего Бондарь назвал пятерых членов антисоветской организации. При этом Трушкин указывал на тесную связь между Бондарем и Афанасьевым. См.: Там само, арк. 111–226 зв., 405–458.

⁶⁰ Там само, арк. 405–458.

⁶¹ Там само, арк. 405–458.

Карамышеву не составляло труда показать, в какой сомнительной кампании вращались лица, на которых была возложена ответственность за пожар на верфи. На упомянутых выше процессах их имена назывались вместе с именем второго секретаря Николаевского обкома КП(б)У Д. Х. Деревянченко, протеже С. В. Косиора – бывшего первого секретаря ЦК КП(б)У. Бывшего анархиста Деревянченко как «политического двурушника» заклеили ещё в апреле 1938 г. на Николаевской областной партконференции 2-й секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко и заместитель редактора газеты «Южная правда», «лучший политлектор» Буранов. Кроме того, Деревянченко обвинялся в том, что он

«обманным путём получил от государства 2 миллиона рублей, его сестра за диверсионный акт была осуждена к ВМН»⁶².

Таким образом, УНКВД «разоблачило» обвиняемых в поджоге на судостроительном заводе как часть широкой сети троцкистских заговорщиков, «щупальца» которой простирались далеко за пределы области, вплоть до верхушки партии и государства. Кроме этого, «троцкисты» якобы поддерживали связи с правыми уклонистами и даже с сионистскими националистическими кругами. В результате пожар на судостроительном заводе представлял собой только лишь один, хотя и кульминационный, акт из целой череды актов саботажа, сознательно и активно осуществлявшихся членами организации в прошлом и настоящем. «Головка» троцкистского подполья обладала настолько широкими связями, что была в состоянии добиться осуществления своих преступных намерений даже из тюрьмы, с помощью многочисленных приспешников.

В такой ситуации НКВД было тяжело бороться с врагом. Это наглядно был призван продемонстрировать пожар, который чекисты не сумели своевременно предотвратить. Тем не менее, благодаря своим неустанным усилиям, областное управление НКВД добилось определённого успеха, сумев воспрепятствовать самому худшему и, с помощью своих специфических методов, в том числе массовых арестов, навсегда покончить с вредительской вражеской сетью.

⁶² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458.

Свои разоблачения УНКВД подкрепляло агентурными материалами, показаниями свидетелей, протоколами очных ставок, признаниями, иногда даже собственноручно записанными подследственными, показаниями свидетелей, извлечёнными из материалов уже состоявшихся судебных процессов, экспертными справками как собственных сотрудников, так и «внешних» экспертов, в которых анализировалась ситуация на заводах. Использовались также материалы партийных разбирательств и исключений из партии подозреваемых по обвинениям в причинении ущерба как партии, так и обществу, коррупции, а также политической и моральной неблагонадёжности. Прямые улики присутствовали в делах только в исключительных случаях. Чекистам очевидно было неизвестно такое понятие, как «презумпция невиновности». Тут действовало другое правило, согласно которому НКВД не арестовывал невинных людей.

Вмешательство сверху

УНКВД по Николаевской области функционировало не в безвоздушном пространстве, свои энергичные усилия по борьбе с саботажнической троцкистской организацией чекисты обосновывали в том числе ссылкой на приказы и директивы, поступавшие сверху, в первую очередь из Москвы. Помимо этого, г. Николаев с инспекционными поездками посещали высокопоставленные сотрудники госбезопасности из Москвы и Киева, которые специально интересовались состоянием судостроительных заводов и давали соответствующие указания.

Так, 17 июня 1938 г. всем управлениям НКВД была разослана шифротелеграмма за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел СССР М. П. Фриновского, в которой утверждалось, что

«несмотря [на] ликвидацию основных вражеских гнёзд (право-троцкистских, шпионско-диверсионных и других контрреволюционных формирований) [в] ряде важнейших оборонных заводов, играющих решающую роль [в] техническом вооружении РККА, эти заводы истекшие пять месяцев 1938 г. систематически срывают правительственные задания»⁶³.

⁶³ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – К.–Миколаїв, 2008. – Кн. 4. – С. 261–263.

Наряду с целым рядом других предприятий оборонного значения по производству авиационных моторов, артиллерии и порохов в телеграмме в качестве негативного примера упоминался судостроительный завод № 198 им. А. Марти, который только на 58% выполнил плановые задания по передаче судов военно-морскому флоту и т. п.⁶⁴ По недвусмысленной оценке Фриновского,

«такая преступно-безобразная работа оборонных заводов по оснащению РККА далее нетерпима».

Общее объяснение, которое Фриновский давал такому плачевному состоянию дел, сводилось к высокому проценту

«засорённости, начиная [с] сомнительного, кончая явно антисоветским элементом, представляющим питательную среду для всяких вражеских формирований».

Что же касается чекистских аппаратов, то Фриновский указывал:

- на отсутствие «серьёзной планомерной борьбы с последствиями вредительства», которое было осуществлено уже ликвидированными троцкистскими группами,
- на неудовлетворительную организацию борьбы с остатками недобитых «вражеских формирований», в первую очередь – с «диверсионной низовкой»,
- на отсутствие «мер борьбы [по] полной очистке» предприятий от вражеских элементов,
- и, в заключение, на нехватку «оперативно-предупредительных мероприятий, направленных [на] оказание практической помощи заводам [по] выполнению производственного плана»⁶⁵.

После такой критики заместитель народного комиссара внутренних дел СССР потребовал устранить все указанные недостатки до конца июля 1938 г., т. е. в течение шести недель, докладывая ему каждые 15 дней о проделанной работе.

Во время следствия и судебного процесса бывшие сотрудники УНКВД по Николаевской области Карамышев, Трушкин и его заместитель Гарбузов в оправдание арестов, произведён-

⁶⁴ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – Кн. 4. – С. 261–263..

⁶⁵ Там само. – С. 262.

ных ими в июле 1938 г. среди сотрудников судостроительных заводов, ссылались именно на эту телеграмму Фриновского, а Трушкин – конкретно на третий пункт требований Фриновского⁶⁶. Этот пункт звучал следующим образом:

«По всем следственным и агентурным делам немедленно, ещё раз пересмотрите всех разоблачённых, но не репрессированных врагов, чтобы провести их аресты [в] ближайшие дни»⁶⁷.

Именно реализация этого требования и привела к аресту Фомина. Трушкин заявлял на следствии:

«На основе этой телеграммы Фриновского по предложению Карамышева была составлена справка на Фомина»⁶⁸.

После этого Карамышев согласовал арест Фомина с первым секретарём Николаевского обкома КП(б)У П. И. Старыгиным и первым заместителем народного комиссара оборонной промышленности СССР И. Ф. Тевосяном, будущим народным комиссаром судостроительной промышленности СССР, который находился с инспекционной поездкой в Николаеве. Гарбузов, в свою очередь, заявлял на следствии о том, что визит Тевосяна привёл к многочисленным арестам среди инженеров. Свидетельство Гарбузова о прямом вмешательстве Тевосяна в «дело инженеров» подтвердил также Трушкин. Подпись заместителя наркома присутствует на справках в отношении ряда сотрудников судостроительного завода, подшитых в дело. Они были арестованы ещё до большого пожара⁶⁹.

16 июля 1938 г., спустя месяц после телеграммы Фриновского, Николаев посетил народный комиссар внутренних дел Украинской ССР А. И. Успенский. Он принял участие в совещании, на котором присутствовал весь оперативный состав аппарата УНКВД и горрайотделений. Совещание было подготовлено бригадой под руководством начальника 3-го отдела НКВД УССР

⁶⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458; т. 3, арк. 133–141, 274–287.

⁶⁷ Там само, ф. 9, спр. 672, арк. 187–194. Автор благодарит Андрея Савина за указание на рукописные замечания Карамышева на оригинале документа.

⁶⁸ Там само, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 274–287.

⁶⁹ Там само, арк. 147–149, 274–287.

в кооперации с местным УНКВД⁷⁰. Эта бригада была специально послана в Николаев за три дня до приезда Успенского. В своём рапорте о проведении совещания Успенский указал, что чекистами была установлена подрывная работа японской, английской и немецкой разведок в гавани и на верфях, причём, на заводе № 200 она якобы велась в контакте с директором завода Щербиной. Последний был незамедлительно арестован. В свою очередь, по версии чекистов, Щербина также входил в состав правотроцкистской организации, среди членов которой Успенский назвал имя Стародубцева – будущего главного свидетеля по делу о пожаре на верфи. Особое беспокойство Успенского вызывало то, что верфь не была защищена от атак вражеских подводных лодок⁷¹.

Интерес вышестоящих органов к ситуации на судостроительных заводах Николаева был ещё больше «подогрет» в результате пожара, случившегося двумя неделями позднее, тем более, что требования Фриновского явно запоздали, а визиты Успенского и Тевосяна не принесли желаемых результатов. В результате республиканский аппарат НКВД принял непосредственное участие во «вскрытии» роли саботажнической группы троцкистов в поджоге верфи. В Николаев незамедлительно самолётом из Киева была отправлена бригада 7-го отдела НКВД Украинской ССР, отвечавшего за состояние дел на предприятиях оборонной промышленности. Бригаду возглавил начальник 7-го отдела⁷² А. М. Злобинский. Вместе с ним вылетели чекисты, хорошо зарекомендовавшие себя в деле «оперативного обслуживания» предприятий советской индустрии, карьеры ко-

⁷⁰ «16 июля 1938 г. в г. Николаеве было создано областное оперативное совещание, на котором присутствовал Успенский». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 8, арк. 105.

⁷¹ Там само, ф. 16, спр. 300, арк. 42–49.

⁷² В приказах НКВД УССР по личному составу за 1938 г. 7-й отдел (отдел оборонной промышленности) впервые упоминается как подразделение в первых числах августа 1938 г. как 7-й отдел 1-го Управления НКВД УССР. Однако, исходя из показаний бывшего начальника 6-го отдела 1-го Управления НКВД УССР Василия Романовича Грабаря, возглавлявшийся им отдел (а, следовательно, и 7-й) был сформирован в конце июня 1938 г. За сведения автор благодарит Вадима Золотарёва.

торых и в будущем были связаны с этой сферой чекистской деятельности⁷³. Речь идёт об А. Г. Назаренко, начальнике 1-го специального (учётно-регистрационного) отдела НКВД УССР⁷⁴, З. А. Новаке, занимавшем с апреля 1938 г. должность оперуполномоченного 10-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела НКВД УССР⁷⁵, оперуполномоченных 3-го отдела НКВД УССР П. К. Пугаче⁷⁶ и А. Е. Рудном⁷⁷.

В расследование пожара вмешалась даже Москва, настаивавшая на ускорении темпов расследования. Согласно показаниям Трушкина, по линии прокуратуры из центра была получена телеграмма, в которой содержалась соответствующая директива⁷⁸.

Совершенно очевидно, что УНКВД по Николаевской области ещё до пожара на судостроительном заводе находилось под значительным давлением сверху, в результате чекисты стремились устранить ряд своих собственных упущений в деле ликвидации «троцкистской саботажнической группы», что якобы должно было привести к существенному росту производительности верфей. Они оперативно выполнили все требования вышестоящего начальства, но не смогли предотвратить пожара на заводе № 200, что, в свою очередь, привело к очередному расширению круга арестов.

Освобождение

Однако позднее случилось нечто совершенно необычайное. В начале апреля 1939 г. арестованные члены «троцкистской са-

⁷³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 131–134; т. 3, арк. 274–287; т. 13, арк. 111–226 зв.

⁷⁴ С сентября 1938 г. – сотрудник 7-го отдела (отдела оборонной промышленности) НКВД УССР.

⁷⁵ С 03.10.1938 по 11.11.1938 г. – член следственной группы при Особом отделе НКВД Киевского военного округа. На 23.01.1939 г. – начальник отделения 7-го отдела 1-го Управления НКВД УССР.

⁷⁶ С сентября 1938 г. – помощник начальника 9-го отделения 3-го отдела, в ноябре 1938 г. стал исполнять обязанности начальника отделения 9-го отдела (торговли и сельского хозяйства).

⁷⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 274–287; т. 12, арк. 116.

⁷⁸ Там само, т. 13, арк. 405–458.

ботажнической организации», которые, по версии руководства УНКВД и его республиканского начальства, были виновны в поджоге судостроительного завода № 200, оказались выпущены на свободу. Очередная экспертная комиссия пришла к выводу,

«что пожар мог произойти не только как результат диверсионного акта, а мог возникнуть совершенно случайно»⁷⁹.

Большая часть освобождённых вернулась на свои рабочие места. «Главарь саботажников» Фомин, освобождённый 8 апреля 1939 г., снова стал начальником корпусного цеха завода. Афанасьев, который, по версии следствия, должен был реализовывать преступные замыслы Фомина, вместо своей прежней должности – начальник участка цеха – стал техником-строителем. Однако из-за увечий, причинённых ему в ходе следствия, он скончался в начале 1940-х гг.⁸⁰ Должностью техника довольствовался бывший начальник участка цеха Бондарь. Они оба были отпущены в один день с Фоминым. Спустя два дня, 10 апреля 1939 г., последовало освобождение Гаврилова, который получил должность в областном земельном управлении⁸¹. 9 апреля 1939 г. на свободу вышел Гладков, который снова стал работать помощником начальника цеха. Чикалов после освобождения возобновил свою трудовую деятельность мастера⁸². М. Ф. Чулков, один из немногих «заговорщиков» не из числа заводчан, получил обратно свою должность преподавателя Николаевского судостроительного института. Базилевич, Меламуд и Носов также были оправданы⁸³.

⁷⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 451.

⁸⁰ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – К.–Миколаїв, 2005. – Кн. 1. – С. 269–270. На втором судебном процессе против Карамышева, Трушкина, Гарбузова и Воронина он, однако, выступал ещё как свидетель. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–424.

⁸¹ Там само.

⁸² Там само, арк. 111–226 зв., 405–458.

⁸³ Получили ли эти люди после суда свои прежние должности, остаётся неизвестным. См.: Там само, т. 11, арк. 347–358.

На свободу вышел даже бывший второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Деревянченко, «разоблачённый» как троцкист и крупный взяточник⁸⁴. Тогда же был освобождён Д. Ф. Кобцев, с мая по июль 1938 г. работавший вторым секретарём Николаевского горкома КП(б)У и арестованный 24 июля 1938 г. по обвинению в троцкизме и взяточничестве. После освобождения он занял пост старшего конструктора завода № 198 им. А. Марти⁸⁵. Оба они не входили, в отличие от Чулкова, Гаврилова или Гладкова, в число непосредственных участников саботажнической организации, однако органы вменяли им в вину участие в разветвлённом троцкистском заговоре, охватившем всю Николаевскую область.

Бывшие арестованные получили денежные компенсации, вероятно, в размере потерянного ими рабочего заработка, бесплатные путёвки в санаторий, а также были восстановлены в партии⁸⁶. Сотрудник УНКВД Воронин должен был выплатить Кобцеву 900 руб., конфискованные во время ареста и не учтённые должным образом. Дополнительно Кобцев получил от финотдела УНКВД 1000 руб., которые были у него изъяты официально⁸⁷.

Однако для тех участников «троцкистской саботажнической организации», осуждённых Особой («национальной») тройкой, которая рассматривалась сотрудниками НКВД как внесудебная инстанция для осуждения так называемой «низовки»,

⁸⁴ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – Кн. 1. – С. 266. На областной партконференции, проходившей в Николаеве 29 мая 1938 г., Деревянченко, как следует из публикации в прессе, был заклеен «как оторвавшийся от масс бюрократ, [который] глушил и маринировал тревожные сигналы о ныне разоблачённых врагах и тем самым, вольно или невольно, покрывал лютого врага народа Волкова и ему подобных негодяев и помешал партийной организации своевременно вскрыть подлинное лицо замаскировавшихся шпионов и вредителей». См.: Полностью выполнить решения областной партийной конференции // Южная правда. – 1938. – 30 мая. – № 116.

⁸⁵ Кобцев был освобождён 2 апреля 1939 г. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁸⁶ Там само, т. 9, арк. 132–133, 147–152.

⁸⁷ Там само, т. 13, арк. 201.

рядового состава контрреволюционных организаций⁸⁸, помощь пришла слишком поздно. Как уже упоминалось, Барсуков, Чернохатов и Мацковский были приговорены тройкой к ВМН в сентябре 1938 г. и расстреляны 4 ноября 1938 г. в 12 часов ночи⁸⁹. Только гораздо позднее, в 1941 г., Военный трибунал войск НКВД Киевского Особого военного округа отменил смертный приговор тройки по этому делу, что, по меньшей мере, давало возможность родственникам казнённых ходатайствовать о выплате компенсации⁹⁰. Их реабилитировали только в 1957 г.⁹¹

Заговор против НКВД

Участники «троцкистской организации», тем не менее, не были удовлетворены своим освобождением и остальными «благоденствиями» советского государства и компартии. Спустя две недели после того, как «заговорщиков» выпустили на свободу, агент по кличке «Герд» сообщил руководству СПО УНКВД, тем временем переименованного во 2-й отдел, следующее:

«Собранные мною факты говорят с несомненной точностью о том, что к-р разговоры, слухи рождаются в среде бывших арестованных, а сейчас освобождённых. [...] [Среди них стали] усиленно распространяться антисоветские разговоры, различные измышления»⁹².

Чтобы описать взрывоопасность ситуации, «Герд» и другие агенты несколько раз сообщали сведения о наиболее активных членах «троцкистской организации» на заводе № 200 из числа освобождённых⁹³. Совокупность донесений агентов свидетель-

⁸⁸ «Поясов: Карамышев был настроен передать дело о поджоге в Военный трибунал, но Трушкин предлагал передать туда только организаторов поджога, а второстепенных участников пропустить по тройке. Барсуков, Чернохатов, Мацковский [были осуждены по] 1-й кат[егории] тройкой, а первостепенные участники Военным трибуналом оправданы». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 429.

⁸⁹ Держархів Миколаївської обл., ф. 5859, оп. 2, спр. 5747, арк. 354, 356, 358.

⁹⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 485–486 зв.

⁹¹ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – Кн. 1. – С. 458.

⁹² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 135–136.

⁹³ Там само, арк. 131–134, 137–140.

ствовала о существовании группы, которая имела высокую степень организованности и прочные внутренние связи, располагала внутренней, сугубо доверительной информацией, полученной от «источников» в партийно-советских органах, а также из НКВД. Члены этой группы всячески пытались выдать себя за жертв с помощью слухов, преувеличений и лжи. Их непосредственной преступной целью являлось УНКВД по Николаевской области, но они также пытались очернить и дискредитировать всю судебную и карательную систему СССР, включая его руководство. НКВД у них был нарушителем законов, палачом и фальсификатором. Осуждение судебной и карательной системы производилось путём проведения параллелей с «темным средневековьем», деспотией царизма и фашизма. В свою очередь, население, в интерпретации «заговорщиков», испытывало симпатии к бывшим заключённым, при этом в значительной мере чувствовало себя угнетённым, униженным и оскорблённым. Москва представлялась, с одной стороны, главным организатором и соучастником репрессий, с другой – лишившейся ориентиров и крайне нерешительной в сложившейся ситуации.

Все донесения агентов об освобождённых арестованных были 3 августа 1939 г. сведены СПО УНКВД в единое агентурное дело под кодовым названием «Ретивые», на деле была сделана пометка «Троцкисты»⁹⁴.

После того, как в мае 1939 г. руководству УНКВД из сообщений агентов «стало ясно», что среди отпущенных на свободу арестованных сформировалась опасная группа заговорщиков, деятельность которой была направлена, в частности, против чекистов, новый начальник И. Т. Юрченко, временно назначенный на должность после снятия Карамышева в январе 1939 г., направил в начале июня 1939 г. рапорт заместителю наркома внутренних дел УССР А. З. Кобулову⁹⁵. Рапорт Юрченко состоял

⁹⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 164–171.

⁹⁵ А. З. Кобулов был первым заместителем народного комиссара внутренних дел УССР с 07.12.1938 г. по 02.09.1939 г. См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. – М., 1999. – С. 236. В то время наркома НКВД не было, поэтому Кобулов де-факто был временно исполняющим обязанности наркома.

из компиляции цитат из донесений агентов «Герда» и «Добровольского», комментариев и оценок.

Действующими персонами, о которых шла речь в документе, снова были члены «троцкистской саботажнической организации», якобы виновные в пожаре на заводе № 200, включая их ближайшее окружение. Главное внимание обращалось на Гаврилова, Gladkova, Чулкова и Кобцева, а также Деревянченко.

Особое значение чекисты уделили «группированию» подозреваемых, при этом подбор и интерпретация цитат более чётко, чем в донесениях агентуры, подчёркивали, что группа, в первую очередь, преследовала цель дискредитации сотрудников УНКВД. Согласно рапорту, члены группы «систематически собирались друг у друга», где

«устанавливают общую ориентацию своего поведения в Обкоме КП(б)У, в заявлениях вышестоящим партийным органам и в НКВД СССР и УССР о том, что всем нужно писать, что их били и издевались над ними».

Вслед за этим Юрченко целенаправленно указывал, что действующая в настоящее время группа была в прошлом частью большой троцкистской саботажнической организации и по-прежнему поддерживает контакты с «троцкистским окружением». Обосновывалось это, во-первых, сообщением об отчаянных усилиях членов группы заставить замолчать главного свидетеля обвинения Стародубцева, выдавшего всех их. Во-вторых, с помощью донесений агента «Иванова» указывалось на сохранившиеся контакты группы с троцкистами или с их посредниками. Так, цитировалось сообщение «Иванова» о встрече Гаврилова с отцом «кадрового троцкиста» Бородаева, находившегося в ссылке. Встреча состоялась после освобождения Гаврилова, который выражал свою заинтересованность в судьбе сосланного троцкиста.

Далее в рапорте сообщалось об антисоветской агитации членов группы, направленной против советской карательной системы в целом, её отождествлении с карательной практикой царизма и фашизма.

В заключение в рапорте приводилась оценка, которую члены группы давали политике центра, направленной на освобожде-

ние репрессированных. В их интерпретации она представляла сумбурной и тупиковой, поскольку, с одной стороны, «невыгодно» держать в заключении девять миллионов зеков, поскольку их ждут их дети и родственники, а окружающие им сочувствуют. С другой стороны, всё это могло привести к концентрации лиц, настроенных неисправимо враждебно по отношению к советскому руководству. Показательно, в рапорте были опущены места из донесений агентов, в которых речь шла о высказываниях «троцкистов» на тему соучастия Москвы в репрессиях⁹⁶. В последних строках Юрченко сообщал, что отдал распоряжение о проведении дальнейших «глубоких разработок» группы, что и было выполнено (об этом свидетельствует рапорт Юрченко от 22 июля 1939 г.).

В этом донесении руководство УНКВД сообщало о действиях, направленных на то, чтобы с помощью тайной «прослушки» проверить донесения агента «Герда». В его квартире, где поставили устройство, 16 июля 1939 г. в 22 часа была организована встреча с А. К. Стародубцевой, женой главного свидетеля обвинения Д. Т. Стародубцева, который в рапорте упоминался как «участник троцкистского подполья». Юрченко в присутствии Гарбузова, заместителя начальника 2-го отдела УНКВД, прослушивал разговор, состоявшийся между Стародубцевой и «Гердом».

Рапорты начальника УНКВД, а также организованная им операция по прослушке стали краеугольным камнем скоординированной акции по защите чекистов от грозившего им обвинения в нарушении социалистической законности. О такой возможности они подозревали, по крайней мере, с 15 января 1939 г., когда Карамышев с позором был уволен с должности. Он потерял все политические посты: членство в Николаевском обкоме КП(б)У и мандат депутата Верховного Совета УССР.

⁹⁶ Все вышеприведённые здесь цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, основываются на: «Докладная записка нач. УНКВД по Николаевской области И. Т. Юрченко заместителю наркома внутренних дел УССР А. З. Кобулову о группировании бывших арестованных, освобождённых из-под стражи в г. Николаеве». 02.06.1939 г. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 142–146.

Весной 1939 г. Карамышева настиг ещё один удар: очередная экспертная комиссия, как уже упоминалось выше, пришла к заключению, что пожар на судостроительном заводе № 200 мог быть также делом случая⁹⁷. Новое руководство УНКВД встало на защиту корпоративных интересов, а, значит, и Карамышева, только в апреле 1939 г., в ходе кампании по освобождению подследственных и параллельно с начавшимися допросами Карамышева⁹⁸. Организовав слежку за «троцкистами», Юрченко не нарушал новой инструкции Л. П. Берии за № 00262, которая в том числе требовала

«всех освобождённых [...] взять на оперативный учёт НКВД»⁹⁹.

Возникает ощущение, что чекисты, которым предстояло оказаться на скамье подсудимых, играли основные роли в аппарате УНКВД и в своей попытке обезопасить себя и добиться оправдания могли рассчитывать на мощную поддержку коллег, особенно со стороны руководства управления.

Арест сотрудников государственной безопасности

Несмотря на все усилия нового начальника УНКВД обелить своих подчинённых, в начале августа 1939 г., т. е. спустя немногим более недели после рапорта Юрченко от 22 июля 1939 г., последовали аресты Трушкина и Карамышева¹⁰⁰. Арест бывшего начальника УНКВД не был лишён определённой драматичности и элементов инсценировки. Карамышев позднее описывал его в письме особоуполномоченному НКВД УССР, который вёл следствие:

⁹⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 451.

⁹⁸ Допросы Карамышева начались в апреле 1939 г. См.: Там само, т. 1, арк. 186–186 зв.

⁹⁹ Там само, т. 13, арк. 232.

¹⁰⁰ Ордер на арест Трушкина был датирован задним числом, дата изменена с 7 на 5 августа 1939 г. См.: Там само, т. 1, арк. 34. Однако фактически он был арестован 3 августа 1939 г. См.: Там само, арк. 36. Ордер на арест П. В. Карамышева датирован 07.08.1939. См.: Там само, арк. 7. На самом деле Карамышев был взят под стражу уже 4 августа 1939 г. См.: Там само, арк. 8–8 зв.

«Меня схватили на глазах у публики, в том числе моих избирателей, тащили из одного конца вокзала в другой с криком “Давай оружие”. Так расправляются с избранными народом на гласно у самих избирателей. Что это такое? И с чем это сообразно? Странно и непостижимо! [...] Меня арестовали без предъявления санкции Верховного Совета УССР»¹⁰¹.

В постановлениях на арест Трушкина и Карамышева значилось, что они виновны в служебных преступлениях по ст. 206 п. 17 «а» УК УССР, т. е. им вменялись менее тяжкие проступки¹⁰². Конкретные обвинения в адрес Трушкина гласили, что он проводил

«[...] необоснованные аресты, утверждал справки, не соответствовавшие действительности, на партийных работников и специалистов заводов, допускал грубейшие извращения в следствии, протоколы составлялись в отсутствии обвиняемых, после чего корректировал их, поощрял и культивировал провокационные методы следствия. В 1939 году, после решения ЦК и СНК, Трушкин умышленно задерживал освобождение ряда арестованных, оказавшихся оговорёнными, в то же время без всякого основания освободил свыше 40 человек арестованных, на коих имеются соответствующие серьёзные компрометирующие материалы. По показаниям арестованных [Л. М.] Тейтеля и [А. М.] Шепетина¹⁰³, Трушкин характеризуется, как антисоветская личность, поддерживающая к-р троцкистские взгляды»¹⁰⁴.

Санкция на арест Карамышева основывалась на следующих обвинениях:

«будучи нач. Николаевского УНКВД, производил аресты по фальсифицированным справкам, фальсифицировал следственные

¹⁰¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 219–220 зв.

¹⁰² Там само, арк. 6. Первая санкция для оформления ордера на арест Трушкина была дана 1 августа 1939 г. В ней ещё упоминается § 206, п. 17 «б» УК УССР. См.: Там само, арк. 31. Второе постановление на арест было датировано 2 августа 1939 г. См.: Там само, арк. 29. Арест Карамышева санкционировал военный прокурор Морозов, а арест Трушкина – заместитель народного комиссара внутренних дел УССР А. З. Кобулов.

¹⁰³ Речь идёт о сослуживцах Трушкина по СПО УГБ УНКВД по Черниговской области Лазаре Моисеевиче Тейтеле (1902–1938) и Аврааме Мордковиче Шепетине (1896–1939).

¹⁰⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 29.

документы, применял по отношению к арестованным физические меры воздействия, прикрывал факты убийства арестованных во время следствия, поддерживал связь с лицами, подозрительными по антисоветской деятельности»¹⁰⁵.

Кроме этого, указывалось, что Карамышев игнорировал донесения агентов о враждебно настроенных лицах, а одна из последних, врач по специальности, переночевала с ним¹⁰⁶.

Спустя полгода, в начале марта 1940 г., за служебные преступления были арестованы ещё два бывших подчинённых Трушкина – М. В. Гарбузов, начальник отделения и заместитель начальника Секретно-политического отдела, и К. А. Воронин, также начальник отделения этого отдела УНКВД. Основное обвинение против них гласило – «применение физических мер воздействия». Именно этим эвфемизмом описывались пытки и издевательства над арестованными¹⁰⁷.

Главными свидетелями, на показаниях которых строилось обвинение, были люди, арестованные по подозрению в поджоге завода № 200 и к тому времени вышедшие на свободу. В своих обращениях к местному и центральному партийному руководству, партийно-советским функционерам они жаловались, что в ходе следствия сотрудники органов госбезопасности добивались от них признаний в антисоветской деятельности, искусственно объединили их в троцкистскую группу и систематически отказывали им в контактах с прокуратурой и другими органами надзора; на то, что их обманывали, избивали, оплёвывали, мучили и угрожали арестом близких. Бывшие арестованные в один голос сообщали о многочасовых, зачастую длившихся сутками «выстойках», чудовищно опухавших от этого ногах, лишении воды, еды и сна, избиениях различными предметами, глухоте и прочих тяжёлых травмах, многосуточных наказаниях карцером и содержании в переполненных сверх всякой меры камерах. Уже во время следствия многие из них

¹⁰⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 91–94.

¹⁰⁶ Там само, арк. 2–3.

¹⁰⁷ Гарбузов и Воронин были арестованы 7 мая 1940 г. Их увольнение из органов НКВД последовало 10 марта и, соответственно, 1 марта 1940 г. См.: Там само, т. 13, арк. 111 зв. – 113.

отказались от своих, данных ранее, показаний и сделали заявления работникам прокуратуры о том, как плохо с ними обращались¹⁰⁸.

Однако самый настоящий поток жалоб вызвал приезд в Николаев в мае 1939 г. специальной комиссии во главе с особоуполномоченным НКВД УССР А. М. Твердохлебенко, поскольку она уделила большое внимание жалобам пострадавших. Особоуполномоченный работал в аппарате НКВД УССР и был наделён полномочиями вести расследование в отношении арестованных сотрудников НКВД и подозреваемых в нарушении соцзаконности¹⁰⁹. Комиссия Твердохлебенка как и её предшественница, работавшая в Николаеве в сентябре 1938 г., имела задание ознакомиться с ситуацией, сложившейся в областном управлении НКВД¹¹⁰. Она собирала показания жертв массовых репрессий, допрашивала трёх сотрудников СПО УНКВД и Карамышева, против которых уже были выдвинуты обвинения, а также большое число сотрудников управления¹¹¹. В результате последовал вывод, что ответственность за должностные преступления несут Карамышев, Трушкин, Гарбузов и Воронин¹¹².

В 1939–1940 гг., в ходе дальнейших следственных действий, осуществлявшихся сотрудниками 2-го отдела НКВД УССР, в результате дополнительных допросов как жертв, так и сотрудников Николаевского УНКВД были получены подтверждения того, что личный состав управления практиковал пытки и фальсифицировал документы следственных дел¹¹³.

¹⁰⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 8, арк. 37–42, 53–56.

¹⁰⁹ Твердохлебенко на момент кампании «по восстановлению социалистической законности» был новичком в органах НКВД. До 1938 г. он работал заместителем заведующего шахтой «София» треста «Макеевуголь». В марте 1938 г. Сталинским обкомом КП(б)У был послан в распоряжение ЦК КП(б)У, откуда был направлен на работу в органы НКВД. См.: Там само, ф. 12, спр. 166, т. 2, арк. 5–8.

¹¹⁰ Там само, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 131.

¹¹¹ Там само, т. 13, арк. 197.

¹¹² Там само, арк. 234.

¹¹³ 13 сентября 1939 г. бывший начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 Г. П. Афанасьев заявил о том, что его систе-

Сотрудники НКВД перекладывали вину друг на друга. Так, Гарбузов показал, что видел, как Трушкин избивал подследственного¹¹⁴. Согласно его показаниям, рукоприкладством занимался ряд его сослуживцев, но ни в коем случае не он лично¹¹⁵. Лишь Воронин признался, что избивал подследственного Прикера, однако это, якобы, была лишь защитная реакция на нападки арестованного на его коллег, которых тот обзывал «фашистами». Прикер, по показаниям Воронина и Гарбузова, в ходе допроса внезапно напал на Гарбузова и, дико ругаясь, схватил следователя НКВД за волосы, укусил его и ударил. Гарбузов, который также считал, что случившееся давало чекистам право избить подследственного, тем не менее утверждал, что сначала он в присутствии сотрудника Волошина проинформировал об инциденте бывшего начальника СПО УНКВД Толкачёва. Получив от него санкцию, сотрудники отдела Воронин, Басов и Козачук «применили [к Прикеру] физические меры воздействия»¹¹⁶.

Ещё один подчинённый Гарбузова, Федотов, в свою очередь, неоднократно давал показания о фальсификации протоколов допроса и внесении в них записей Гарбузовым и Трушкиным в отсутствие подследственных¹¹⁷. Вслед за этим Гарбузов признался, что по своему усмотрению исправлял и дополнял протоколы допросов, но только в стилистическом отношении или на основе информации из других достоверных источников, таких, как решения партии. Однако, заявлял Гарбузов, он никогда не настаивал на том, чтобы следователи его отделения требовали от подследственных подписать эти видоизменён-

матически избивал Гарбузов, причём избиения начались ещё в кабинете директора завода в ходе предварительного расследования пожара сотрудниками НКВД. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 194–201. Преподаватель Николаевского судостроительного института М. Ф. Чулков сразу после освобождения написал заявление на имя государственного прокурора Карпенко. См.: Там само, т. 13, арк. 220.

¹¹⁴ Там само, т. 3, арк. 212–223.

¹¹⁵ Там само.

¹¹⁶ Там само, арк. 212–223, 270–278.

¹¹⁷ Там само, арк. 212–223.

ные протоколы¹¹⁸. Помощник начальника ещё одного отделения СПО П. Д. Козачук подробно описал, каким образом Трушкин вносил изменения в протоколы допросов¹¹⁹.

Главное обвинение в адрес Карамышева гласило, что он не только «поощрял и культивировал незаконные методы допросов», но мирился и способствовал ненормальностям в работе тройки УНКВД. В результате отдельные дела на тройке представляли не те сотрудники госбезопасности, которые составляли короткие обвинительные заключения для протоколов тройки (так называемые докладчики), а те чекисты, которые не были знакомы с делами, например, начальники соответствующих отделов, в которых работали «докладчики»¹²⁰. Помимо этого, некоторые протоколы тройки оформлялись в отсутствие областного прокурора и первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У – постоянных членов тройки. Как правило, протоколы подписывались членами тройки спустя два–три дня после заседания и, по меньшей мере, трижды из протоколов были удалены фамилии осуждённых, хотя на тот момент протоколы уже были подписаны¹²¹.

Также в вину Карамышеву вменялось, по показаниям Зельцмана, опытного следователя НКВД, его заявление на оперативном совещании сотрудников, согласно которому чекисты имели право проводить аресты без санкции прокуратуры. Кроме этого, Зельцман упомянул об антисемитских нападках Карамышева на сотрудника НКВД Бромберга, который выделялся своим «либеральным» отношением к подследственным. Карамышев якобы угрожал «вырвать это бедное еврейское сердце»¹²².

Что же касается пожара на заводе № 200, то постепенно комиссия установила, что многие компрометирующие данные в отношении мнимых участников саботажнической группы либо полностью, либо частично не согласовывались между

¹¹⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 212–223.

¹¹⁹ Там само, т. 7, арк. 108–124.

¹²⁰ Там само, т. 13, арк. 46–49 зв.; т. 3, арк. 244–253.

¹²¹ Там само, т. 3, арк. 212–223; т. 1, арк. 277–281, 288–295.

¹²² Там само, т. 3, арк. 139–149.

собой, а следствие закрывало глаза на эти противоречия. Так, в его материалах неоднократно указывалось, что инженер А. Е. Гаврилов, бывший заместитель начальника выгоревшего цеха верфи, был в 1937 г. исключён из ВКП(б) за троцкистские взгляды и контакты с троцкистами, но следователи предпочли «забыть» о том, что в том же 1937 г. Гаврилов был восстановлен в партии¹²³. Арест Гаврилова последовал не в связи с тяжёлой ситуацией на заводе, а как наказание за отказ стать негласным осведомителем НКВД. Чтобы сломить сопротивление Гаврилова, целую неделю, вплоть до ареста 27 июля 1938 г., его каждый день вызывали в УНКВД на допрос, который длился с 10 часов вечера до 5 часов утра, после чего Гаврилов отправлялся на работу¹²⁴. Только после ареста инженера чекисты стали собирать на него компрометирующие материалы, фальсифицировали протоколы допросов и нашли свидетеля, давшего показания о том, как он завербовал Гаврилова в состав троцкистской группы. Как было установлено позднее,

«27 июля 1938 г. на его арест была составлена сотрудниками УНКВД Федотовым, Гарбузовым и Трушкиным фиктивная справка, в которой было указано, что Гаврилов изобличается в принадлежности к к-р организации показаниями арестованного Стародубцева, однако таких показаний в следственном деле и вообще в делах Николаевского облуправления НКВД – не имеется»¹²⁵.

В конце концов, сотрудники НКВД Танфилов, Федоровский, Воронин, Гарбузов и Трушкин вынудили Гаврилова в ходе длительных допросов (так называемого «конвейера») и в результате «применения провокационных и незаконных методов следствия» подписать фальсифицированные протоколы допросов¹²⁶. Позднее Гаврилов в свидетельских показаниях от 8 сен-

¹²³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.; т. 2, арк. 23–26; т. 13, арк. 405–458.

¹²⁴ Гаврилов сообщил об этом в ходе его допроса от 8 сентября 1939 г. и Гарбузов позднее подтвердил на допросе эти показания. См.: Там само, т. 3, арк. 181–186, 244–253.

¹²⁵ Там само, т. 9, арк. 164–171.

¹²⁶ Там само, т. 1, арк. 69–77; т. 9, арк. 164–171.

тября 1939 г. нарисовал образ чекистов, которые чувствовали себя всесильными. По его словам, однажды во время допроса Гарбузов заявил:

«Мы сами суд и сами следствие, на нашей стороне все, – общественность, суд. Вам никто не поверит, что мы захотим, то с вас и сделаем. Помните, вы в ежовых рукавицах, Николай Иванович нам всё разрешил. Мы вас порасстреливаем, как бешеных собак, если вы не будете писать того, что мы от вас требуем»¹²⁷.

Несмотря на то, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. официально положило конец массовым операциям, сотрудники НКВД продолжали использовать пытки и издевательства, хотя и делали это не так часто и не в таких объёмах. Подследственные, если сравнивать с периодом «Большого террора», реже давали об этом показания. В новой ситуации чекисты должны были проявить всё своё профессиональное мастерство и применить все уловки, чтобы выиграть в беспримерной «войне нервов», а также «дисциплинировать» подследственных, в массовом порядке отказывавшихся от своих показаний. Однако на этот раз на кону стояла уже собственная жизнь сотрудников госбезопасности. Поэтому те показания арестованных, в которых они дистанцировались от данных ранее, а также самооговоров, следователи не фиксировали¹²⁸.

Дело бывшего второго секретаря Николаевского горкома КП(б)У Д. Ф. Кобцева было одним из тех, в рамках которого подследственного продолжали избивать после 17 ноября 1938 г. Но и в данном случае главное место всё же занимали так называемые «белые пытки» (меры психического и физического воздействия, не оставлявшие явных следов), призванные заставить Кобцева подтвердить данные им ранее показания. На допросах 2 декабря 1938 г. и 16 февраля 1939 г. сотрудники СПО УНКВД поставили Кобцева на «выстойку», т. е. заставили стоять

¹²⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 181–186.

¹²⁸ Фомин и Гладков выступили с аналогичными показаниями, в которых описали эту чекистскую практику. См.: ГДА СБ України, Миколаїв, ф. 6, спр. 1192-с, т. 9, арк. 41–57. Автор благодарит Сергея Макаrchука за предоставленный им документ.

на ногах в течение многих часов, возможно дней, в результате чего ноги у Кобцева опухли настолько, что он не мог носить обувь, а также у него шла носом кровь. «Выстойка» сопровождалась руганью и оскорблениями. Кобцеву было отказано во врачебной помощи, хотя он жаловался на сердечные боли и, очевидно, находился на грани нервного срыва, поскольку разрыдался, когда просил вызвать к нему врача, тем более, что следователи угрожали ему провести 20 очных ставок с другими свидетелями. И всё же Кобцову предоставили возможность обратиться с письмом на имя прокурора СССР А. Я. Вышинского. В этом обращении он вновь отказывался от своих показаний о принадлежности к троцкистской организации, которые он вынужден был подтвердить на двух последних допросах. Кроме этого, Кобцев просил Вышинского защитить его от «зверских избиений» со стороны следователей. Жалоба на имя Вышинского не принесла Кобцеву облегчения, напротив, во время допроса, состоявшегося 18 или 19 февраля 1939 г. в кабинете Воронина, он был жестоко избит Гарбузовым в присутствии хозяина кабинета. Избиение вызвало у него несколько сердечных приступов¹²⁹.

Подследственный М. П. Дудин, бывший начальник производственного цеха судостроительного завода им. А. Марти, будучи допрошен в Киеве в марте 1939 г., показал, что его также передопрашивали Трушкин и Гарбузов, поскольку он отказался от своих предыдущих показаний. Изготовленный в результате протокол допроса был, согласно правилам, зачитан Дудину, но следователи не дали ему очки, чтобы он мог проверить корректность записи. Вслед за этим в результате очередного допроса, на этот раз проведённого прокуратурой Николаевской области, выяснилось, что следователи не зачитали Дудину имевшие решающее значение места, в которых тот якобы вновь подтверждал свои старые показания¹³⁰.

¹²⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 7, арк. 21–31.

¹³⁰ Гаврилов сообщил об этом в ходе его допроса от 8 сентября 1939 г. и Гарбузов позднее подтвердил на допросе эти показания. См.: Там само, т. 3, арк. 181–186.

Прямые улики совершения Трушкиным служебных преступлений следствие получило в результате обыска, проведённого в квартире чекиста в день его ареста. Сразу же после того, как Трушкин в конце июля – начале августа 1939 г. получил из Киева приказ об увольнении, он брал домой совершенно секретные материалы, чтобы подготовить мотивированные жалобы на имя народного комиссара внутренних дел Украины и его заместителя, а также, чтобы во всеоружии лично поехать с жалобами в Киев и Москву. Во время обыска были найдены копии донесений агентов, которые вели слежку за выпущенными на свободу «троцкистами» с завода № 200, материалы, содержавшие статистические данные о людях, арестованных Трушкиным с момента начала его работы в Николаеве в июне 1938 г., а также сведения об осведомителях и агентах, которые были у Трушкина «на связи» до и после 17 ноября 1938 г., и поступившие от них донесения. Среди этих документов обнаружили копию телеграммы М. П. Фриновского от 17 июня 1938 г. с требованием провести аресты на промышленных предприятиях, в том числе и на судостроительном заводе № 200, а также статистические данные, которые были призваны доказать, что только после назначения Трушкина в июне 1938 г. сотрудники 4-го отдела УНКВД стали работать с полной отдачей. В результате резко выросло число законченных ими дел. Внимание следствия также привлекли две справки: первая была написана самим Трушкиным, но отправлена за подписью Юрченко в начале июня 1939 г. Кобулову, Берия и в ЦК КП(б)У, речь в ней шла о донесениях агентов по вопросу о деятельности освобождённых из-под стражи «поджигателей». Во второй содержалась информация об акции по прослушке, организованной в июле 1939 г. в квартире агента «Герда»¹³¹.

Главный козырь, оказавшийся в руках сотрудников следственного отдела НКВД УССР, расследовавших преступления УНКВД по Николаевской области, также относился ко времени после завершения «Большого террора». Речь идёт о показаниях всё того же агента «Герда», изобличивших Трушкина и его под-

¹³¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 80–85.

чинённых – Воронина и Гарбузова¹³². Будучи заместителем директора Николаевского педагогического института¹³³, «Герд» в качестве агента вёл профильное наблюдение за педагогами. Однако, как выяснилось в октябре 1939 г. в ходе следствия, сотрудники 2-го отдела УНКВД стали «активно» использовать этого агента главным образом для разработки выпущенных на свободу инженеров завода № 200¹³⁴. По словам «Герда», Трушкин в первую очередь «настойчиво предлагал мне активно освещать Чулкова, Гаврилова, Кобцева и других». В частности, Трушкин заявлял:

«Это группа врагов и их нужно глубоко разработать»¹³⁵.

Теперь же «Герд» открыто признался в том, что не располагал конкретными фактами, его информация была случайного происхождения, собрана им из третьих рук, поскольку группа, которую ему поручили «разрабатывать», знала, что в случае с «Гердом» речь идёт о тайном информаторе НКВД. Заявление, которое агент сделал в ходе своего допроса 25 октября 1939 г., было для чекистов убийственным:

«[...] я признаю, что сведения [...] сильно преувеличены, обобщены [...]. Эти данные я под нажимом Трушкина и Гарбузова [...] натягивал, вносил в сводки свои предположения и в результате создавалось впечатление, что эта группа лиц связана общностью антисоветских взглядов. [...] Материалы [...] неправдоподобны. Единственное, что соответствует действительности [...], это их некоторая озлобленность против тех работников НКВД, которые вели следствие по их делу и излишняя болтливость в методах допроса и т. п. Гаврилов, Чулков и другие особенно ругали ра-

¹³² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 153–163.

¹³³ Там само. Ф. Ф. Николаевский (1881–?), уроженец с. Б. Кириевка Винницкой обл., украинец, беспартийный, из рабочих, под судом и следствием не был.

¹³⁴ В ходе неоднократных допросов «Герда» и Трушкина выяснилось, что Трушкин с самого начала, а не только с июня 1939 г., определял содержание инструкций, которые давались агентам. См.: Там само, т. 3, арк. 1–6, 23–33; т. 11, арк. 256–257 зв.

¹³⁵ Там само, т. 9, арк. 153–163. Позднее «Герд» показал на допросе, что таким же образом его инструктировал Поясов в присутствии Трушкина.

ботников НКВД Трушкина, Гарбузова, Воронина за те методы, которые они применяли к ним при допросах»¹³⁶.

На вопрос следователя Н. А. Казина, заместителя начальника 2-го отдела УГБ НКВД УССР¹³⁷, что же подвигло «Герда» к «извращению» фактов, агент сообщил о давлении, оказанном на него в июне 1939 г. со стороны Трушкина и заместителя начальника УНКВД по Николаевской области А. Ф. Поясова. Они не только остро критиковали «Герда» за его донесения, которые не содержали конкретных данных об антисоветских настроениях и подрывной деятельности членов троцкистской группы, но и шантажировали агента:

«Трушкин мне заявил, что я капитулянт, что я не желаю продолжать активную разработку группы врагов. [...] Отсутствие конкретных материалов [...] он будет расценивать как нежелание с моей стороны бороться с врагами и сообщил мне о наличии на меня компрометирующих материалов в НКВД. Эти материалы [...] будут использованы для расправы со мной в том случае, если я не продолжу и не вскрою антисоветскую деятельность этой группы лиц. Трушкин мне прямо заявил, дословно, следующее: “Учтите это, а то мы с вами крепко посчитаемся”»¹³⁸.

Тот факт, что на «Герда» оказывало давление всё руководство Николаевского УНКВД, подтвердился в ходе дальнейших допросов Трушкина. Так, Юрченко дал в июне 1939 г. указание подкрепить опросами на местах содержащиеся в личном деле агента сведения о том, что тот в качестве председателя сельского совета во время гражданской войны издевался над крестьянами, занимался самосудами и поддерживал связь с белогвардейцами. Однако проведённые чекистами опросы не дали нужного результата¹³⁹. Кроме того, Юрченко приглашал к себе «Герда» на беседу, посвящённую этому эпизоду в биографии агента. Беседа проходила в присутствии Трушкина и Федоров-

¹³⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 153–163.

¹³⁷ Позднее – заместитель начальника и начальник следственной части УГБ НКВД УССР.

¹³⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 153–163.

¹³⁹ Там само, арк. 164–171; т. 3, арк. 1–6

ского. «Герд», в свою очередь, попытался выбраться из расставленной ловушки, заявив, что источником компрометирующей информации служат кулаки, с которыми он боролся в годы гражданской войны¹⁴⁰.

Высокопоставленный следователь УГБ НКВД УССР Н. А. Казин, чьи полномочия подтверждались документом за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел Украинской ССР Н. Д. Горлинского, на основании этих показаний агента «Герда» в заключении по агентурному делу «Ретивые» от 5 декабря 1939 г. пришёл к выводу, что Трушкин, Гарбузов и Воронин намеренно использовали четырёх агентов для разработки мнимой троцкистской группы, чтобы

«во что бы то ни стало [доказать наличие] вражеской деятельности» в «целях прикрытия своей преступной деятельности в органах НКВД».

Что же касается агента «Герда», то Казин предлагал арестовать его и провести «самое тщательное расследование» в отношении имевшихся на агента компрометирующих материалов, что и было сделано¹⁴¹.

Однако Гарбузов и Воронин, которые в тот момент оставались на свободе, не собирались сдаваться, действуя целиком и полностью в духе Трушкина. Спустя два дня после того, как Казин подписал своё разгромное заключение по делу «Ретивые», Гарбузов написал рапорт на имя Л. Берии и заместителя наркома внутренних дел УССР Н. Д. Горлинского, в котором полностью обелял свои действия. В свою очередь, Юрченко отдал распоряжение о повторном допросе «Герда», в котором приняли участие как заместитель Юрченко Л. Т. Готовцев, так и оперуполномоченный УНКВД Никитин. Проведённый допрос принёс сенсационный результат: «Герд» отказался от своих показаний от 25 октября 1939 г., на которых главным образом основывался Казин, составляя документ, компрометировавший николаевских чекистов. При этом «Герд», как позднее под-

¹⁴⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 44–56.

¹⁴¹ Там само, т. 9, арк. 164–171. Агент «Герд» был освобождён позднее. См.: Там само, т. 1, арк. 79–81.

чёркивал Гарбузов, «категорический» отрицал, что на него оказывалось давление посредством «провокационных и преступных методов»¹⁴².

«Герд» повторил эти показания в ходе ещё одного допроса, который на этот раз провёл в марте 1940 г. помощник начальника следственного отдела УГБ НКВД УССР М. Л. Хайтин. Показательно, что именно Хайтин во время допроса фактически помог «Герду» выбрать правильную стратегию, благодаря которой тот смог представить метаморфозы своих показаний в выгодном свете. Теперь «Герд» заявил Хайтину, что все собранные им сведения в отношении троцкистской группы соответствовали действительности, он лишь немного «сгущал краски», учитывая то особое внимание, которое сотрудники УНКВД Трушкин, Гарбузов и Воронин уделяли этому делу. В результате преувеличение фактов трансформировались в «некоторую предвзятость» в отношении троцкистов, которую «Герд» испытывал из-за их критических высказываний в адрес сотрудников НКВД Трушкина, Гарбузова и Воронина. Даже «раскопки» в прошлом «Герда», в его бытность председателем сельского совета в годы гражданской войны, которые ещё в ходе допроса в октябре 1939 г. агент характеризовал как попытку оказания на него серьёзного давления со стороны сотрудников НКВД, теперь были сведены к банальной перепроверке, после чего следователь и допрашиваемый быстро перешли к главной теме – слежке за освобождёнными подследственными. На вопрос, почему на допросе в октябре 1939 г. он прибёг к таким преувеличениям, «Герд» заявил, что его фактически заставил это сделать следователь Казин, который утверждал, «что мне должно быть известно, что враги, пробравшиеся в органы НКВД, пытались избить честных людей». Кроме этого, свою роль, якобы, сыграли ходившие по Николаеву слухи о том, что Трушкин, Карамышев и другие сотрудники НКВД оказались врагами народа¹⁴³.

То, что эта версия показаний «Герда» на самом деле гораздо больше соответствовала правде, чем его первые показания,

¹⁴² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 181–186.

¹⁴³ Там само, т. 11, арк. 256–257 зв.

следует из заявлений агента на втором судебном процессе над Карамышевым, Трушкиным, Гарбузовым и Ворониным в марте 1941 г. Здесь давление со стороны Юрченко и Трушкина уже не выглядит таким безобидным – «Герд» рассказал, что он прождал своего допроса до глубокой ночи в коридоре и думал о том, что будет неминуемо арестован. Однако агент, тем не менее, не согласился с тем, что слова Юрченко («Мы с Вами крепко рассчитаемся, если материалы о Вас подтвердятся») были «запугиванием», а также отрицал, что свои донесения он писал под давлением со стороны сотрудников НКВД. Напротив, «Герд» вновь подчеркнул, что для него выражение недовольства со стороны бывших арестованных в адрес беспорочных чекистов было ничем иным, как «антисоветскими разговорами», после чего извиняющимся тоном добавил: «Ибо так меня воспитывали 20 лет»¹⁴⁴.

Таким образом, арест сотрудников НКВД проводился главным образом на основании свидетельских показаний как их коллег-чекистов, так и освобождённых подследственных. Документальные доказательства вины чекистов были редкими и затрагивали главным образом нарушение приказов и не всегда корректное – с процедурной точки зрения – осуждение репрессированных тройкой. И всё же секретные материалы, найденные во время обыска квартиры Трушкина, были серьёзной уликой, изобличившей чекиста в грубом нарушении своих служебных обязанностей.

Серьёзную роль в изобличении Трушкина, Гарбузова и Воронина также сыграл агент «Герд». Однако проблема здесь заключалась в том, что «Герд» впадал из крайности в крайность. Сначала он выступал в качестве главного свидетеля обвинения, потом неожиданно вновь солидаризовался с курировавшими его чекистами, заявляя, что он также, как и они, перестал понимать, почему поведение лиц, за которыми он вёл наблюдение, больше не рассматривается как «троцкистское» и

¹⁴⁴ В частности, Николаевский заявил по этому поводу: «В Наркомате мне разъяснили, что эти проявления не являются антисоветскими, так как, пробыв в заключении, эти лица имели некоторые основания к таким настроениям». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 445 зв – 446.

«враждебное». В конечном итоге возникает впечатление, что «Герд» всё время, кроме небольшого перерыва, придерживался той же линии, что и Трушкин, Гарбузов и Воронин, и пытался, наряду с руководством УНКВД по Николаевской области, оказать им поддержку. То, что эта поддержка не всегда отвечала ожиданиям арестованных чекистов, было уже другим делом.

Первый процесс

Показательно, что показания агента «Герда», которые он дал в середине марта 1940 г. и которые изобличали, главным образом, Трушкина и Гарбузова, не нашли своего отражения в обвинительном заключении в отношении Карамышева, Трушкина, Гарбузова и Воронина от 11 мая 1940 г. Напротив, авторы обвинительного заключения предпочли использовать «старые» показания «Герда», данные им в октябре 1939 г., которые содержали гораздо больше компрометирующих сведений о чекистах. Также и все другие пункты обвинения, уже упоминавшиеся ранее в постановлении об аресте, подкреплялись теперь, как казалось, в достаточной мере массой свидетельских показаний коллег арестованных сотрудников НКВД, их жертв, а также материалами многочисленных очных ставок и некоторыми другими обличительными материалами¹⁴⁵.

Месяц спустя Военная коллегия Верховного Суда СССР в Москве санкционировала предъявление обвинения и поручила организацию и проведения судебного процесса Военному Трибуналу войск НКВД Украинского округа¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Обвинительное заключение было составлено сотрудниками следственного отдела НКВД УССР. Утвердили заключение начальник следственного отдела Н. А. Казин и заместитель народного комиссара НКВД УССР Н. Д. Горлинский. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 11, арк. 347–358.

¹⁴⁶ См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 2. Незадолго перед этим был официально установлен порядок, согласно которому сотрудники НКВД подлежали суду военного трибунала. См.: Указ президиума Верховного совета СССР «Об изменении подсудности военных трибуналов». 13.12.1940 // Организация суда и прокуратуры СССР / Сост. Н. А. Баженова. – М., 1988. – С. 69.

Однако непосредственно судебный процесс состоялся только спустя полгода и продлился целую неделю, с 27 декабря 1940 г. по 4 января 1941 г. Местом проведения суда стало здание областного управления НКВД в Николаеве. Процесс проходил при закрытых дверях, под председательством военюриста I ранга Гурьева. Членами суда были Чепиков и Лысков, секретарём – техник-интендант I ранга Миляков. Прокурор и защита к процессу допущены не были. Обвинение гласило – должностные преступления, ст. 206 п. 17 «б» УК УССР, т. е. тяжёлые проступки, за которые предусматривалась смертная казнь.

Трибунал пригласил 44 свидетеля, из них шестеро не смогли явиться на суд. В случае со свидетелями речь шла исключительно о (бывших) сотрудниках УНКВД по Николаевской области, а также об освобождённых арестованных, ставших жертвами методов работы НКВД. Однако среди последних был проведён предварительный тщательный отбор – в качестве свидетелей были приглашены только те, кто работал до ареста на предприятиях и судостроительных заводах Николаева как до своего ареста, так и, большей частью, после освобождения. Что же касается свидетелей из числа колхозников, чьи дела также являлись темой как следствия, так и судебного разбирательства, то их не пригласили. В ответ на ходатайство Карамышева суд также вызвал для дачи показаний ещё пятерых свидетелей, которые все без исключения были сотрудниками НКВД¹⁴⁷. Недопуск защитников обернулся во вред обвиняемым чекистам. Они должны были сами защищать себя, и их ознакомили, хотя и достаточно поздно, со всеми собранными против них материалами.

В случае с обвиняемыми речь шла о молодых людях, которые, за исключением Трушкина, относительно недавно стали сотрудниками НКВД и вступили в партию. Несмотря на это, они быстро добились карьерных успехов. Так, к началу судебного процесса Петру Васильевичу Карамышеву было 35 лет. Он родился в 1905 г., был уроженцем г. Екатеринбургa, русским по национальности, имел незаконченное среднее образование. В 33 года Карамышев стал капитаном госбезопасности и началь-

¹⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–111 зв.

ником УНКВД по Николаевской области (с апреля 1938 по декабрь 1938 г.), хотя на тот момент он отработал в органах только десять лет, начиная с 1928 г. В 1928 г. он также вступил в ВКП(б), членству в партии предшествовали шесть лет пребывания в комсомоле¹⁴⁸. В РККА Карамышев не служил. Имел на иждивении дочь.

Яков Лукьянович Трушкин родился в 1904 г. в г. Керчи, по национальности – русский. Он был только на год старше Карамышева, но уже в 15 лет стал членом РКП(б), а в 17 лет, т. е. с 1921 г., работал на разных должностях в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Однако его карьерный взлёт начался только в годы «Большого террора». С 1 июня 1938 г. по 30 июля 1939 г. Трушкин временно исполнял должность начальника 4-го (потом 2-го) отдела УНКВД по Николаевской области, ему было присвоено звание «старший лейтенант госбезопасности». Трушкин ранее не судился и дисциплинарных взысканий не имел, был женат, имел на иждивении жену и двух детей.

Михаил Васильевич Гарбузов, уроженец ст. Дерюгино Курской губернии, русский, родился в 1909 г. На момент суда ему исполнился 31 год, он был самым молодым из обвиняемых. До службы в органах госбезопасности Гарбузов три с половиной года проработал на производстве, в РККА не служил. Членом ВКП(б) он стал в 1931 г., с 1932 г. по 1940 г. работал в органах ОГПУ–НКВД. Уже в возрасте 29 лет, с 15 августа 1938 г. по 10 марта 1940 г., он занимал пост заместителя начальника СПО УНКВД по Николаевской области, ему было присвоено звание «сержант госбезопасности». За время работы в «органах» имел одно дисциплинарное взыскание – 10 суток ареста, но даже его не отбывал, впоследствии это взыскание с него сняли. Был женат, имел на иждивении ребёнка.

Константину Афанасьевичу Воронину на момент суда исполнилось 34 года. Он родился в 1906 г. в г. Одессе, по национальности – украинец. До поступления в органы госбезопасности на протяжении шести лет работал на производстве мото-

¹⁴⁸ Пётр Карамышев. Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета УССР // Южная правда. – 1938. – 30 мая. № 116. Автор благодарит Марию Панову и Ирину Бухареву за поиск и просмотр газеты «Южная правда».

ристом. С 1928 г. по апрель 1929 г. служил в войсках ОГПУ, откуда был переведён в органы ОГПУ–НКВД, в которых служил с апреля 1929 г. по 1 марта 1940 г. С октября 1937 г. по 15 августа 1938 г. Воронин занимал должность начальника одного из отделений СПО УНКВД по Николаевской области. Имел звание сержанта госбезопасности. Ранее не судился.

Таким образом, кроме Карамышева, выросшего в крестьянской семье, остальные подсудимые были пролетарского происхождения и имели низшее образование. Никто из них не был ранее судим, напротив, они неоднократно поощрялись за свою работу. Так, Трушкин имел несколько поощрений и благодарностей, Гарбузов был награждён знаком «Почётного работника ВЧК–ГПУ» в 1938 г., Воронина «несколько раз премировали за хорошую работу в органах НКВД», а Карамышев даже был награждён орденом Ленина в 1937 г.¹⁴⁹

Обвиняемые применяли стратегию защиты, которая имела несколько аспектов. Прежде всего, Карамышев ни на секунду не допускал сомнений в необходимости и правильности той деятельности, которую под его руководством осуществляло областное управление НКВД. Он неустанно подчёркивал большие достижения управления, а также трудности, которые чекисты преодолели, устраняя огромные экономические и организационные проблемы, особенно на судостроительных заводах. При этом они действовали в обстановке постоянной внутренней и внешней угрозы.

«Здесь активно работала английская, немецкая, японская и польская разведка, особенно польская. [...] Было очень трудно ориентироваться. В 1938 г. [...] здесь же на крупных заводах, особенно кораблестроения, были засорены классово-чуждым элементом. Здесь же была родина Троцкого. [...] Мы имели большой размах по уничтожению врагов, но всё равно их разведка так работала, что не успели ещё поставить на з[аво]де “Марти” агрегат, как уже стало об этом известно в иностранной прессе», – заявлял суду Карамышев¹⁵⁰.

¹⁴⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 112–113 зв.

¹⁵⁰ Там само, т. 13, арк. 262.

Все обвиняемые подчёркивали, что в отношении тех лиц, которых они арестовали и допрашивали, у них имелось достаточное количество как изобличающих их агентурных материалов, так и показаний свидетелей, которые они расценивали как равноценные вещественным доказательствам¹⁵¹. Кроме того, они снова и снова приводили примеры того, что их действия осуществлялись в непосредственном контакте и даже при активном участии партийных органов и прокуратуры, особенно в тех случаях, когда речь шла о лицах с высоким политическим и административным статусом¹⁵².

В качестве неопровержимого доказательства фактического участия бывших подследственных в антисоветской контрреволюционной троцкистской группе, что, в свою очередь, задним числом полностью оправдывало их арест летом 1938 г., все четверо чекистов называли материалы агентурного дела «Ретивые», заведённого в августе 1939 г. Неоднократно они подчёркивали, что это агентурное дело было заведено и разрабатывалось при активной поддержке действующего начальника УНКВД по Николаевской области Юрченко.

Что же касается свидетелей обвинения из числа работников судостроительных заводов, в первую очередь тех, которые были арестованы по делу о пожаре, то подсудимые чекисты характеризовали их как сомнительных свидетелей, в особенности потому, что те имели подозрительное прошлое, часть из них была исключена в своё время из партии, и теперь они были озлоблены своим арестом и заключением под стражу.

Компрометирующие показания большинства своих бывших коллег обвиняемые сотрудники НКВД расценивали как желание свести с ними «личные счёты», поскольку как Карамышев, так и Трушкин, якобы, неоднократно наказывали этих сотрудников за то, что они своими противоправными действиями нарушали закон. Согласно Карамышеву, эти свидетели не зас-

¹⁵¹ На суде Карамышев заявил: «Ни я, ни кто из числа членов тройки, не усомнились в правдивости доказательств – признаний». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

¹⁵² Там само, арк. 114–115 зв., 232, 242.

луживали доверия и действовали исключительно «в интересах карьеры и личной выгоды»¹⁵³.

Из всех подсудимых чекистов именно Карамышев отличался умением продемонстрировать – как в ходе предварительного следствия, так и на суде – свою безупречную преданность партии и государству. Он последовательно оспаривал все выдвинутые ему обвинения и подчёркивал, что он в прошлом и настоящем делал все, чтобы воспрепятствовать нарушениям социалистической законности. Так, его первым действием на посту начальника УНКВД по Николаевской области стала ликвидация в апреле 1938 г. «специальной комнаты для избияния арестованных», которую завёл его предшественник на посту начальника управления И. Б. Фишер¹⁵⁴.

Непосредственно на процессе Карамышев попытался использовать в своих интересах выводы двух комиссий, которые по заданию НКВД Украинской ССР в конце сентября 1938 г. и в январе 1939 г. под руководством Н. Д. Горлинского проверяли деятельность УНКВД по Николаевской области, в том числе – областной тройки при УНКВД. При этом в январе 1939 г. Горлинский действовал уже в ранге заместителя народного комиссара внутренних дел УССР. Согласно заявлению Карамышева, комиссия Горлинского охарактеризовала его как начальника управления НКВД «одного из лучших областных городов Украины» и не имела к нему «никаких претензий»¹⁵⁵. СПО под руководством Трушкина также получил исключительно хоро-

¹⁵³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 114–115 зв., 232, 242.

¹⁵⁴ Там само, т. 1, арк. 91–94.

¹⁵⁵ Комиссия под руководством Горлинского работала в Николаеве 17 и 21 сентября 1938 г., а потом, начиная с января 1939 г. – в течение нескольких месяцев. См.: Там само, т. 13, арк. 115, 173, 232. Н. Д. Горлинский в сентябре 1938 г. ещё служил оперуполномоченным 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Если это верно, то можно предположить, что в сентябре 1938 г. он возглавлял комиссию, отправленную непосредственно по приказу Москвы, тогда как январская 1939 г. комиссия была сформирована приказом, в том числе из числа сотрудников республиканского аппарата НКВД УССР, поскольку в декабре 1938 г. Горлинский был назначен заместителем наркома внутренних дел Украины.

шие оценки¹⁵⁶. Все ошибки в работе управления, отмеченные комиссиями, – и в этом Карамышева подержал также Трушкин – были чекистами учтены и устранены. В первую очередь, речь шла, согласно Трушкину, об улучшении агентурной работы, как того требовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.¹⁵⁷

По собственным показаниям Карамышева, после инспекции в сентябре 1938 г., а потом после 17 ноября 1938 г., он работал не покладая рук, проведя целый ряд дисциплинарных расследований в отношении сотрудников управления, выделявшихся «ненормальностями» в работе или склонными к нарушению социалистической законности. В случае с некоторыми чекистами это позднее даже привело к аресту и осуждению на длительные сроки лагерного заключения. В качестве наиболее яркого примера Карамышев неоднократно приводил свои действия в отношении бывшего начальника Владимировского райотделения НКВД З. Д. Лившица. Кроме него, он упоминал других начальников райотделений НКВД, а именно: Гавриленко и Дарова, которых он отдал под суд¹⁵⁸, а также И. Г. Белова¹⁵⁹, которого он за произвольные аресты сажал под арест на 20 дней¹⁶⁰. Кроме того, – Лавриненко¹⁶¹, А. И. Мишустина¹⁶², Мартыненко¹⁶³,

¹⁵⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 245.

¹⁵⁷ Там само, арк. 113–115, 232.

¹⁵⁸ Сведения о том, что эти лица были отданы под суд, см.: Там само, арк. 305–310.

¹⁵⁹ Белов Иван Григорьевич (1897) – член ВКП(б) с 1925 г., в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД работал с 1919 г., в 1938 г. был начальником Ново-Троицкого РО НКВД, в 1940 г. занимал должность начальника Голо-Пристанского РО НКВД Николаевской области.

¹⁶⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

¹⁶¹ Лавриненко был уволен за «ненормальности» в ходе следствия.

¹⁶² Мишустин также был уволен из НКВД за «ненормальности» в ходе следствия, но Карамышев заявил об этом только на втором судебном процессе. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458.

¹⁶³ Секретарь Еланецкого РО НКВД. Рассматривался вопрос о предании Мартыненко суду, поскольку тот скрывал факты «извращения» социалистической законности.

Л. И. Винницкого¹⁶⁴ и Ю. М. Побережного¹⁶⁵. В отношении этих сотрудников НКВД Карамышевым применялись дисциплинарные взыскания, перевод на другие должности и, в качестве исключения, увольнение из органов¹⁶⁶.

«Если имели [место] отдельные случаи со стороны сотрудников, незаконные методы следствия, то я на таких сотрудников налагал дисциплинарные взыскания, поручал коменданту обходить комнаты и обязал вести наблюдение Гончарова¹⁶⁷ – пом[ощника] нач[альника] Управления», – заявлял на суде Карамышев¹⁶⁸.

Эта аргументация Карамышева основывалась на стратегии, выработанной им ещё во время следствия. Она сводилась к тому, чтобы представить тенденциозным расследование в его отношении и отношении его сотрудников, в то же время выставив чекистов в лучшем свете. Карамышев неоднократно заявлял о деляческом, «беспринципном и провокационном подходе к делу» и к подбору свидетелей. Вот несколько образчиков критических заявлений Карамышева:

¹⁶⁴ Винницкий Лазарь Ильич (1915) – в 1940 г. старший оперуполномоченный УНКВД по Дрогобычской области УССР. В 1938 г. Винницкий работал сначала в 3-м отделе УНКВД по Николаевской области, а потом был переведён во 2-е отделение в подчинение Трушкина.

¹⁶⁵ Аналогичный ряд сотрудников упоминается в другом месте. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 113. Из-за недостатка информации нам не удалось установить, кто из этих сотрудников (за исключением Мишустина и Лавриненко) был уволен из органов госбезопасности. В отношении Лавриненко и Побережного было произведено лишь дисциплинарное разбирательство. Побережный продолжал работать в УНКВД по Николаевской области в качестве начальника 4-го отделения 4-го отдела после реорганизации НКВД в конце 1938 г. См.: Там само, т. 12, арк. 80–85. Очевидно, дисциплинарное разбирательство не нанесло вреда карьере Побережного. В 1940 г. он возглавлял следственный отдел УНКВД по Дрогобычской области, которая была образована в декабре 1939 г.

¹⁶⁶ Там само, т. 13, арк. 112–113 зв., 232.

¹⁶⁷ Гончаров Григорий Львович, в 1940 г. работал помощником начальника управления Госбанка по инкассации, а до этого работал начальником Складовского РО НКВД и помощником начальника УНКВД по Николаевской области.

¹⁶⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 232.

«[...] данные о работе судебной тройки, изложенные в акте комиссии, который составлялся следователем Бурдан, скрывают сущность дела и фальсифицируют положение вещей»¹⁶⁹ или «Директива НКВД СССР № 00606 комментируется следствием произвольно и на основании тенденциозно подобранных данных»¹⁷⁰.

В этом Карамышева активно поддерживал Трушкин, который неоднократно жаловался в ходе предварительного следствия и на суде на оказываемое на него давление, фальсификацию показаний свидетелей и даже на избиения¹⁷¹. Трушкин не воспринимал большое число освобождений бывших арестованных как знак того, что сотрудники его отдела ошибались, для него волна освобождений была лишь признаком того, что власть бросилась из одной крайности в другую. Карамышев, в свою очередь, высказывал недовольство тем, что следствие и суд не упоминали его высокие политические должности и награды, а также замалчивали «самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий». Всё это было, считал Карамышев, чем угодно, «но только не партийно-объективным подходом»¹⁷².

Полностью в духе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. Карамышев объяснял самому себе и трибуналу нечестное ведение предварительного следствия и сформулированные следователями преувеличенные обвинения проникновением в органы НКВД «врагов народа», которые всё ещё занимаются своим чёрным делом. В Украине такими «врагами народа» были протеже Успенского, в том числе и следователи, которые вели предварительное следствие по его делу. Указание на связь с бывшим наркомом внутренних дел УССР Успенским было тяжёлым обвинением, поскольку «враг народа Успенский», чтобы избежать грозившего ему ареста, скрылся и перешёл на нелегальное положение – «Труп мой [...] ищите в

¹⁶⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

¹⁷⁰ Там само, арк. 263.

¹⁷¹ Там само, арк. 14–19 зв., 46–49 зв., 254.

¹⁷² Там само, арк. 46–49 зв.

Днепре», – был с большим трудом пойман, осуждён и расстрелян¹⁷³. В частности, Карамышев заявлял:

«Все эти Тредохлебовы, Калужские – это ставленники Успенского, которые перебили добрую половину чекистских кадров, то же они сделали и со мной, неправильно информируя руководство»¹⁷⁴.

Проводя разделение на добрых и злых чекистов, Карамышев открыл для себя и для других обвиняемых возможность, во-первых, отнести себя к «светлой» стороне, во-вторых, таким образом объяснить все ошибки и эксцессы в деятельности органов госбезопасности. Так, в отношении себя лично Карамышев, Трушкин, Гарбузов и Воронин признавали только наличие в работе «отдельных недостатков», но ни в коем случае не совершение преступлений¹⁷⁵. Если же ошибки и эксцессы всё же имели у них место, то в этом, согласно Карамышеву, были опять-таки виноваты пробравшиеся в органы «враги», вражеская деятельность которых сделала эти ошибки неизбежными:

«[...] нужно учесть тот период времени – в органах НКВД оказалось большое количество врагов, которые вместо правильного руководства пошли по вражеской линии, и как результат этого имелось много ошибок не только у нас, но и в других местах»¹⁷⁶.

Далее он риторически вопрошал:

«Что я мог сделать в этих реальных условиях? Известно, что субъективная воля отдельных работников здесь оказывалась бессильной. – И, тем не менее, я делал всё для того, чтобы исключить возможность этих ошибок, а допущенные ошибки – исправить»¹⁷⁷.

На этом основании Карамышев, чтобы реабилитировать себя как можно больше, оспаривал каждый пункт со стороны обвинения. В ответ на обвинение в том, что им был создан в

¹⁷³ ГДА СБ України, ф. 13, оп. 1, спр. 409, арк. 3; *Золотарьов В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення.* – Харків, 2004.

¹⁷⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

¹⁷⁵ Там само, арк. 245 (Трушкин), 261 (Воронин), 262 (Карамышев), 265 (Гарбузов).

¹⁷⁶ Там само, арк. 262 (Карамышев).

¹⁷⁷ См.: Там само, т. 1, арк. 186–186 зв.

управлении общий климат, способствовавший применению физического воздействия, т. е. пыток, он сначала ссылался на разрешение со стороны московского руководства применять меры физического воздействия в отношении отдельных «враждебных элементов»¹⁷⁸. Кроме этого, он лишь пять раз давал своим подчинённым санкцию на применение этих мер, и каждый раз у него были для этого весомые основания, например, когда Деревянченко набросился на следователя¹⁷⁹. Что же касается тех случаев применения «незаконных методов следствия», когда его санкция отсутствовала, то Карамышев объяснял этот недосмотр своей перегруженностью в работе, а также тем, что ему не сообщали об избиениях ни его заместитель, ни другие его подчинённые. Дословно Карамышев показал следующее:

«[...] мои частые отсутствия были использованы в отделах, а, возможно, Поясов больше знал о незаконных методах следствия, но он мне не говорил. Если ещё присовокупить мои депутатские обязанности и обязанности как члена обкома, то я часто отсутствовал»¹⁸⁰.

Обвинение в неправомерных арестах бывший начальник УНКВД также отклонял, ссылаясь в важнейших случаях на прямые приказы Москвы или Киева¹⁸¹.

Карамышев также напрочь отрицал нарушение предписаний директивы № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД

¹⁷⁸ Документ, санкционировавший применение пыток, до сих пор не найден. Упоминание о нем приводится только в телеграмме И. В. Сталина от 10 января 1939 г., в которой разъяснялось, что ЦК ВКП(б) санкционировал в 1937 г. применение мер «физического воздействия» в исключительных случаях. Более подробно об этой телеграмме. См.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И. Е. Смирнова, Р. Биннер, Г. А. Бордюгов, С. А. Кокин, О. А. Довбня. – М., 2010. – Т. 2. – С. 418–420.

¹⁷⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 232.

¹⁸⁰ Там само, арк. 262.

¹⁸¹ Одно из характерных заявлений Карамышева гласило: «Дело Трубия было нам прислано из Москвы для рассмотрения». См.: Там само, арк. 232. По заявлению следователя НКВД, сделанном на суде, дело Гущина также расследовалось в Николаеве по требованию руководства НКВД УССР.

СССР № 00485 и других» за подписью Н. И. Ежова от 17 сентября 1938 г., согласно которой были учреждены так называемые «национальные» тройки (в источниках также часто именуются судебными тройками)¹⁸². Но у следствия имелись документальные подтверждения того, что Карамышев действовал вопреки предписаниям директивы № 00606 и дополнявшего её циркуляра № 189, согласно которым осуждению «национальными» тройками подлежали только лица, арестованные до 1 августа 1938 г. Кроме того, «национальная» тройка была карательной инстанцией, предусмотренной исключительно для внесудебного осуждения представителей национальных диаспор, однако в Николаевской области её использовали также для осуждения значительного числа русских, украинцев, евреев и представителей других национальностей. Не соблюдалось также ограничение, в соответствии с которым этим тройкам запрещалось осуждать специалистов высокой квалификации.

Карамышев утверждал в свою защиту, что все эти нарушения имели место в исключительных случаях, причём, зачастую с санкции Киева или Москвы. Так, по его словам, Успенский дал разрешение на то, чтобы контингент жертв тройки мог до 30% состоять из представителей «непрофильных» национальностей¹⁸³. Когда в таких случаях тройкой осуждались русские, украинцы и евреи, то речь шла о нарушителях границы и/или о лицах, проходивших по групповым делам. Эти группы, якобы, ни в коем случае нельзя было разделять, «исходя из госуд[арственных] интересов»¹⁸⁴. В итоге Карамышев подчёркивал:

«Я считал и считаю, что судебная тройка действовала вполне правильно и в интересах государственной безопасности»¹⁸⁵.

¹⁸² См.: Приказ № 00606 Народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др[угих]» 17.09.1938 // Большевикский порядок в Грузии. Т. 2: Документы о Большом терроре в Грузии / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015.

¹⁸³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 277–281.

¹⁸⁴ Там само, арк. 100–104, 142–145; т. 13, арк. 263.

¹⁸⁵ Там само, т. 13, арк. 263.

И для Карамышева, и для Трушкина было очень важно дистанцироваться от «врага народа» Успенского. В их показаниях бывший нарком фигурировал исключительно как сторонник крутых мер, в то время как сами эти чекисты пытались «выхолостить» его приказы и поэтому всё время чувствовали себя под дамокловым мечом. При этом Карамышев не упускал возможности выставить своего бывшего заместителя А. Ф. Поясова как доверенного человека Успенского:

«От Успенского же была установка на арест 1000 человек, которую я не выполнил. Он меня ненавидел и на совещания вызывал Поясова, а не меня. [...] Вопрос о наказании по тройке перед нами был поставлен крепко, т. к. там, в директиве, указывалось, что тройка может выносить решение только ВМН или 10 лет л[ишения]/свободы и лишь в некоторых случаях – 8 лет л[ишения]/свободы, но мы кое в чём брали на себя ответственность. За это мне Успенский звонил и по телефону сказал: “Вы бросьте либеральничать, готовьте сухари к посадке”»¹⁸⁶.

В целом, по заявлению Карамышева, УНКВД по Николаевской области «обработало» под его руководством в 5–6 раз меньше дел, чем в других областях Украины, что свидетельствовало о том, что «мы подходили более осторожно к арестам и только по имеющимся материалам»¹⁸⁷.

Ещё один пункт обвинения гласил, что Карамышев плохо обращался с подчинёнными, а также забросил партийную работу. В ответ на это он приводил следующий аргумент:

«[...] Несмотря на то, что у меня был фонд наградных 12 000 руб., я расходовал в месяц 18 000 руб. Это говорит за то, что я чутко прислушивался к нуждам сотрудников и никогда не слышал упрёка сотрудников»¹⁸⁸.

Со стороны партийных организаций к нему также никогда не было претензий, поскольку даже

«в самый разгар операции я предложил выделить специальный день для политзанятий»¹⁸⁹.

¹⁸⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 231. Речь идёт об аресте, осуждении и отправке в лагерь.

¹⁸⁷ Там само, арк. 232.

¹⁸⁸ Там само, т. 13, арк. 264.

¹⁸⁹ Там само, арк. 113.

Основная мысль, которую Карамышев неоднократно высказывал в свою защиту в разных вариациях и в разных обстоятельствах, сводилась к следующему:

«В течение десяти лет я работал по существу на низовой оперативной работе, работал изо дня в день, [из] ночи в ночь, не пользуясь годами отпуском в натуре [...] и никогда не терял революционные перспективы. [...] ибо я всегда исходил из чистых побуждений – партийных и государственных интересов. Личных интересов у меня не было, нет и не может быть!»¹⁹⁰; «Я не преступник и преступной деятельностью не занимался; наоборот, я всю свою сознательную жизнь боролся с преступниками и врагами, отстаивая позиции партии и соввласти [...]»¹⁹¹; «[...] за что меня избрали депутатом Верховного Совета и наградили высшей наградой – орденом Ленина [...]»¹⁹²; «за самоотверженное выполнение правительственных заданий»¹⁹³; «Я – жертва, и партия не нуждается в такой жертве, а поэтому и я прошу меня оправдать»¹⁹⁴.

Остальные обвиняемые, выстраивая линию своей защиты, могли отчасти расставлять другие акценты. Это зависело в первую очередь от специфики тех задач, которые они решали в своё время в качестве следователей. Как правило, по роду своих занятий они были гораздо ближе, чем Карамышев, к следственным делам и подследственным. Поэтому, наряду с главным обвинением в применении «мер физического воздействия», им также вменялась в вину фальсификация следственных дел. Речь шла о датировке документов задним числом, внесении изменений и дополнений в протоколы допросов в отсутствие подследственного, преувеличениях, уничтожении улик и других формальных нарушениях. В качестве главных объяснений «отдельных» ошибок, которые они признавали, чекисты называли давление Киева и Москвы, «занятость» по партийной линии, свою экстремальную загруженность работой¹⁹⁵. Кроме

¹⁹⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 98–99 зв.

¹⁹¹ Там само, т. 13, арк. 46–49 зв.

¹⁹² Там само, арк. 264.

¹⁹³ Там само, т. 1, арк. 98–99 зв.

¹⁹⁴ Там само, т. 13, арк. 264.

этого, они пытались преуменьшить тяжесть совершённых ими «ошибок». Так, Воронин, единственный из обвиняемых, кто не столь последовательно отрицал все предъявленные ему обвинения, признавал, что «мы» в отдельных случаях, особенно тогда, когда загорелась верфь, действительно применяли «выстойки», но обвиняемых ни в коем случае не заставляли стоять на ногах пять суток подряд, речь шла «всего лишь» о двух–трёх днях. При этом к «выстойке» чекисты прибегали лишь потому, что Николаевский обком КП(б)У и ЦК КП(б)У требовали от них быстрых результатов следствия¹⁹⁶. То, что в результате «выстойки» у подследственных чудовищно опухали ноги, Воронин якобы не замечал. Гарбузов, в свою очередь, также утверждал, что длительные «выстойки» подследственных были узаконены «с приездом в командировку в Николаев работников НКВД УССР» и после этого применялись повсеместно. Заключительная часть этого вынужденного признания, тем не менее, свидетельствует, что сам Гарбузов прибегал к выстойкам не только под давлением сверху: «[...] я считал тогда, что это мероприятие вполне законно»¹⁹⁷. Трушкина, Гарбузова и Воронина с Карамышевым объединяло также то, что они ни в коем случае не соглашались с интерпретацией своих ошибок как «нарушений социалистической законности», наотрез отрицая, что их действия заслуживают наказания.

В своём последнем слове на суде Воронин заявил:

«Я хочу сказать чистосердечно, что никогда ни одного [арестованного] не ударил. Я работал честно, добросовестно и то, что мне партия доверяла [...], всё выполнял.[...] был честным большевиком [...] прошу суд дать мне возможность быть полезным для нашего общества»¹⁹⁸.

Трушкин также настаивал на том, чтобы его считали настоящим советским человеком, который «честно и предано» выпол-

¹⁹⁵ О давлении, которое на них оказывалось, см. показания чекистов: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 242 (Воронин), 245 (Трушкин). О перегруженности работой. См.: Там само, арк. 239 (Гарбузов).

¹⁹⁶ Там само, арк. 242 (Воронин).

¹⁹⁷ Там само, арк. 239.

¹⁹⁸ Там само, арк. 261, 262.

нял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал о применении незаконных методов следствия, то он принял самые «решительные меры к устранению таких безобразий» и потребовал на оперативном совещании, чтобы следователи «ни в коем случае к арестованным не применяли физические меры воздействия». В заключение он, также как и Карамышев, объявил себя жертвой, которую суд безусловно должен освободить¹⁹⁹.

В своём последнем слове Гарбузов упирал на то, что он «дни и ночи сидел, допрашивая арестованных, каждый факт анализировал, и благодаря моей упорной работы, я добился хороших результатов. [...] Незаконных арестов с моей стороны не было. Фальсификацией следственных дел я не занимался»²⁰⁰.

Подсудимые чекисты с успехом сыграли навязанную им роль собственных адвокатов. Как профессиональные защитники, они вплоть до мельчайших деталей хорошо разбирались в деле и требовали, чтобы обвинение основывалось на неопровержимых уликах и непротиворечивых показаниях свидетелей. Что же касается выдвинутых против них обвинений в политической и личной неблагонадёжности, то они их отметили, заявляя о своих высоких моральных качествах и успехах, которых они добились на чекистском поприще.

Предварительное следствие и суд над чекистами оставляют в целом впечатление корректного формально-юридического действия. Время содержания подсудимых под стражей было соблюдено, пытки не применялись, и только в редких случаях речь шла о психологическом давлении. Подсудимые получили в своё распоряжение все необходимые документы, и за небольшим исключением, суд удовлетворил все их просьбы о вызове свидетелей и предоставлении дополнительных материалов.

Оправдательный приговор

Стратегия Карамышева оказалась успешной. 4 января 1941 г. военный трибунал войск НКВД оправдал его. Кроме того, ос-

¹⁹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 266.

²⁰⁰ Там само.

вобождён был также Гарбузов. Двухлетний срок лагерного заключения был заменён ему на трёхлетний условный срок, при этом суд отметил, что Гарбузов не представляет опасности для общества. Его «подельник» Воронин был приговорён к 3 годам лишения свободы. Гарбузов и Воронин были осуждены согласно ст. 206-17 УК (должностные преступления), п. «а», хотя изначально им вменялись преступления, которые наказывались согласно п. «б» этой же статьи. Тяжелее всех был наказан Трушкин, но и он смог отделаться сравнительно легко. Согласно п. «б» ст. 206-17 он был приговорён к ВМН – расстрелу, но, учитывая его непрерывную, начиная с 19 лет, службу в органах государственной безопасности и Красной армии, а также то, что преступления были совершены им не из корыстных интересов, трибунал помиловал Трушкина и заменил ему смертный приговор на 8 лет лишения свободы²⁰¹.

Трибунал считал доказанным, что Трушкин проводил аресты рабочих и служащих, не имея достаточных на то оснований, а также путём грубого нарушения порядка судопроизводства и конституционных прав подсудимых, т. е. посредством грубости, оскорблений, выстоек, угроз и непрерывных допросов, искусственно создал на судостроительном заводе № 200 «троцкистскую группу». Далее в приговоре указывалось, что подчинённые Трушкина в его присутствии избивали арестованных, и в одном из случаев он лично приложил руку к избиениям. Важное место в приговоре занимали обвинения в самовольном исправлении протоколов допросов, давлении на заключённых с целью получения требуемых показаний, в поощрении заведомой клеветы со стороны свидетелей, превышении сроков содержания подсудимых под стражей, а также в неправомерном освобождении обвиняемых. Суд смог документально доказать в отношении Трушкина фальсификацию дат арестов, а также хранение у себя на квартире совершенно секретных документов.

Такие же преступления вменялись Воронину и Гарбузову, однако признавалась меньшая степень их виновности. Кроме того, многие из обвинений в отношении Гарбузова трибунал

²⁰¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.

не смог подкрепить документальными доказательствами. Свою положительную роль сыграло также то, что Гарбузов в своё время выступил с инициативой освобождения арестованных, о чём он неоднократно заявлял в ходе следствия. История с агентурным делом «Ретивые» не повлияла на вынесенный приговор, поскольку Никольский, он же агент «Герд», отказался от своих показаний.

Освобождение Карамышева было обусловлено тем, что трибунал фактически согласился с его защитой по каждому пункту. Дисциплинарные взыскания, наложенные Карамышевым на ряд сотрудников, расценивались в обосновании приговора как решающий вклад в сохранение социалистической законности. Неправомочные аресты были отнесены на счёт Успенского, а не Карамышева. Трибунал также продемонстрировал большое понимание ситуации в случае с запрещённым использованием «национальной» тройки как карательной инстанции для осуждения украинцев, русских и евреев. Судьи заимствовали один к одному аргументацию Карамышева, согласно которой тот имел на это полное право, поскольку эти люди были якобы изобличены в шпионаже, саботаже и терроре, т. е. в преступлениях, тесно связанных с границей. Трибунал в своей солидарности с подсудимыми пошёл ещё на шаг дальше, позволив себе критику директивы № 00606 и дополнительного циркуляра № 189. В частности, в приговоре трибунала говорилось:

«Утверждение акта, запрещающее рассматривать дела лиц этих национальностей, упуская из виду контрреволюционную деятельность этих лиц, расслабляет борьбу органов с к-р элементами»²⁰².

Суд принял на веру интерпретацию Карамышева, согласно которой он не осуждал специалистов высокой квалификации через «национальную» тройку.

Суд со снисходительностью отнёсся ко всему, что также могло расцениваться как служебное преступление, поскольку речь якобы шла об отдельных инцидентах, вызванных оперативной необходимостью. Это в первую очередь касалось непра-

²⁰² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.

вомерных осуждений тройкой лиц, арестованных после 1 августа 1938 г., а также исправлений протоколов заседаний тройки задним числом²⁰³.

Главным козлом отпущения трибунал выставил Трушкина в двойной роли преступника и организатора нарушений социалистической законности. Зато всё остальное руководство УНКВД по Николаевской области суд щадил всеми возможными способами, при этом дальше всего в этом направлении судьи зашли в отношении Карамышева.

Второй процесс: «Приговорить к ВМН – расстрелу»

Оправдательный приговор в отношении Карамышева был, по его словам, «сочувственно встречен основной массой чекистского коллектива». Самого Карамышева он был призван вернуть «к жизни того коллектива», с которым тот был «органически связан и активно боролся на передовых участках классовой борьбы, отстаивая позиции партии и советской власти»²⁰⁴.

Тем большим был шок, когда спустя пять дней после освобождения, 9 января 1941 г., последовал очередной арест Карамышева. В своём письме секретарю ЦК КП(б) Украины и председателю Верховного Совета УССР М. А. Бурмистенко он писал, что «это выше моих сил», но по-прежнему верит «в торжество большевистской правды»²⁰⁵.

Чего Карамышев не мог знать, так это того, что председательствующий Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Гурьев уже 4 января 1941 г., в день вынесения оправдательного приговора, официально изложил своё «особое мнение». В этом документе Гурьев, хотя и не критиковал оправдательный приговор Карамышева, тем не менее охарактеризовал приговор, вынесенный в отношении Трушкина и Воронина, как чересчур «мягкий»²⁰⁶. «Особое мнение» Гурье-

²⁰³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.

²⁰⁴ Там само, арк. 510.

²⁰⁵ Там само.

²⁰⁶ Там само, арк. 304 а (конверт).

ва, а также соответствующий протест военного прокурора КОВО, вместе с делом были направлены в Москву и стали главной причиной повторного ареста Карамышева и Гарбузова.

Формальное решение о возобновлении судебной процедуры в ходе апелляционного производства было принято только спустя два месяца после завершения первого процесса, 4 марта 1941 г. Это решение принималось на высшем московском уровне – Военной коллегией Верховного суда СССР. Важнейшей новацией по сравнению с первым судебным процессом было то, что оба члена трибунала, которые несли ответственность за неприемлемый приговор, были целенаправленно заменены двумя сотрудниками НКВД, Свирским и Воедило. Кроме этого, был заменён также председательствующий – вместо Гурьева трибунал возглавил военный юрист Фельдман. Это, наряду с немедленным повторным арестом Карамышева, было ещё одним признаком того, что приговор от 4 января 1941 г. вызвал резкое недовольство Москвы. «Особое мнение» Гурьева не спасло ситуацию²⁰⁷.

Второй судебный процесс был организован быстро. Он состоялся с 18 по 23 марта 1941 г., местом его проведения снова стало здание областного управления НКВД в Николаеве²⁰⁸. Второй процесс в целом не отличался от первого процесса. Наряду с уже известными свидетелями было привлечено лишь несколько новых, таких как бывший заместитель начальника УНКВД по Николаевской области А. Ф. Поясов. Однако ни новые свидетели, ни повторно выступавшие «старые» свидетели не придали суду новое качество. Как и ранее, свидетели не только резко критиковали и обвиняли подсудимых чекистов, но и безмерно их восхваляли. Однако, как известно, дьявол кроется в мелочах. Только при повторном рассмотрении становится заметным усиление тенденции, уже свойственной для первого процесса, но не получившей развития из-за «неправильного» состава трибунала. Согласно этой тенденции, суд стремился уличить обвиняемых чекистов в самоуправстве и склонности

²⁰⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 369–369 зв.

²⁰⁸ Там само, арк. 405–458.

к эксцессам. В результате всё больше внимания стало уделяться сознательному пренебрежению чекистами своими обязанностями по надзору за следствием, фактам безответственного обхождения с подследственными и их показаниями, а также с уликами.

Свидетель и бывший сотрудник из отдела Трушкина, Ю. С. Лейзеровский, ещё раз повторил свои показания о том, что Трушкин последовательно критиковал его за стремление проявлять умеренность в «разоблачении врагов», однако на этот раз Лейзеровский дословно воспроизвёл заявление Трушкина:

«Ты не чекист, ничего не понимаешь, я заберу от тебя дело»²⁰⁹.

Бывший подследственный, начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 Афанасьев, показал в этот раз, что Трушкин прекрасно знал о том, что его подчинённые – Зельцман и Зайкин – избивали его²¹⁰.

Далее Трушкин (и Гарбузов) описывались свидетелями как те, кто запрещал подследственным жаловаться и жестоко наказывал, если жалобы имели место. Так, Трушкин даже не остановился перед тем, чтобы избить арестованного, пытавшегося покончить жизнь самоубийством. Согласно показаниям нового свидетеля, Б. М. Куклинского, короткое время работавшего сотрудником СПО УНКВД, Трушкин повёл себя неправильно после неудачной попытки самоубийства бывшего директора завода № 200 Щербины. Так, Трушкин разорвал прощальную записку, в которой говорилось:

«Ухожу из жизни с чистой совестью. Врагом никогда не был и не буду. Да здравствует Сталин и социализм [...]».

Далее Куклинский показал:

«[Трушкин] её разорвал и с ругательством “мерзавец”, “provokator” бросил её Щербине в лицо. [...] Щербина рассказал, что после попытки к самоубийству его взяли к Трушкину и там избивали так, что сейчас сидеть ему больно»²¹¹.

²⁰⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 410–424.

²¹⁰ Там само, арк. 410–424.

²¹¹ Там само, арк. 436.

Кроме того, как выяснилось, Трушкин 16 ноября 1938 г., т. е. за день до принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., когда «земля уже стала гореть под ногами» у чекистов, получил от арестованного М. П. Дудина, начальника производственного цеха завода им. А. Марти, показания, компрометирующие секретаря Николаевского обкома КП(б)У П. И. Старыгина. Текст показаний был сформулирован Трушкиным заранее, сделал он это в качестве подстраховки или для того, чтобы иметь возможность шантажировать партийного функционера²¹².

Воронин на втором процессе выступал уже не столько в роли жестокого следователя, сколько под сомнение ставилась его верность системе. М. Ф. Гладков, один из тех, кто был арестован по делу о пожаре на судостроительном заводе, рассказал о том, как в ходе допроса он сослался на свои права, гарантированные советской конституцией. В ответ Воронин заявил ему дословно:

«“Она [Сталинская конституция] меня не касается”, – и при этом выразился нецензурно по адресу Конституции»²¹³.

Когда инженер Бондарь сказал, что отзовет на суде выбитые из него показания и расскажет правду, Воронин якобы ответил:

«Я – тебе следователь, и мы же будем судить тебя»²¹⁴.

Целый ряд показаний свидетелей развенчивал Гарбузова, который ранее утверждал, что поднимал руку на арестованных только в самых исключительных случаях, а в остальном всегда выступал на страже социалистической законности. Теперь свидетели утверждали, что Гарбузов систематически избивал подследственных.

Неоднократные заявления Карамышева о том, что он, будучи начальником УНКВД, ничего не знал об избиениях, в противном случае он бы наказал виновных, было опровергнуто ещё одними показаниями Бондаря. В частности, Бондарь сообщил,

²¹² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 410–424.

²¹³ Там само.

²¹⁴ Там само.

что как-то раз, сразу же после избиения, его привели на допрос к Карамышеву.

«Карамышеву об избиении меня я не говорил, но моё состояние он прекрасно видел и так», – заявил Бондарь²¹⁵.

Оперуполномоченный УНКВД по Николаевской области в 1938 г. Т. Т. Черкес, приглашённый в качестве нового свидетеля, заявил, что Карамышев на оперативных совещаниях настраивал аппарат, по возможности, избегать контроля со стороны партии и прокуратуры в ходе массовых операций и не «щепетильничать» в отдельных случаях. В частности, он призывал

«поменьше ходить в парткомитеты и в прокуратуру. Нам нужно посадить 2000 чел. [...] Не страшно, если ошибаемся при арестах в одном человеке [...]»²¹⁶.

Аналогичные показания дал новый свидетель, также бывший сотрудник Трушкина, А. П. Федотов. Он рассказал:

«Однажды на оперативном совещании один работник высказался, что нужно бы советоваться с секретарём горкома. [...] Карамышев заявил: “Что Вы всё, секретари да секретари: Вы больше, чем секретарь горкома, и сами должны решать вопросы”»²¹⁷.

Д. Ф. Кобцев, бывший 2-й секретарь Николаевского горкома КП(б)У, утверждал, что грубость Карамышева была хорошо известна партии:

«Карамышев был груб в обращении, на заседаниях обкома ругался матом, в связи с чем [ему] даже делались замечания»²¹⁸.

Бывший руководитель УНКВД был единственным из четырёх обвиняемых, кто отметил новые черты в процессе, поначалу не бросавшиеся в глаза, но которые не стоило недооценивать, исходя из нового состава судей. Карамышев вербально на них отреагировал. Он не изменил свою линию защиты, лишь с ещё большим упорством отклонял все обвинения. Куда как более подробно, чем на первом процессе, он описывал свои уси-

²¹⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 410–424.

²¹⁶ Там само. Федотов также почти дословно цитировал это высказывание Карамышева. См.: Там само, арк. 442.

²¹⁷ Там само, арк. 442.

²¹⁸ Там само, арк. 405–458.

лия по наведению порядка при принятии дел в качестве начальника областного управления. Сначала он рассказал о том, что по его приказу были освобождены 600–700 человек из 2000, арестованных ещё его предшественником Фишером, потом подчеркнул свои усилия, направленные на упорядочение работы тройки, а также указал на свой запрет использовать негласных сотрудников в качестве «штатных» свидетелей, что было до этого обычной практикой. В бытность его начальником УНКВД, указал Карамышев, было арестовано в 10 раз меньше людей (на первом процессе он приводил другую цифру – в 5 раз), чем в других областях Украины. В заключение Карамышев указал на инициированную им чистку чекистского аппарата и мобилизацию новых сотрудников, на 30–40% рекрутированных из числа партийных кадров²¹⁹.

После этого Карамышев перешёл к следующему пункту защиты: все осуществлённые им мероприятия напрямую вытекали из приказов московского центра. Как и на первом процессе, он в первую очередь указал на разрешение со стороны ЦК ВКП(б) применять меры «физического воздействия»:

«Так как физические методы были санкционированы ЦК партии и применяются по сей день»²²⁰.

Но на этот раз Карамышев гораздо подробнее остановился на ведущей роли Москвы в репрессиях. В результате тактика, применявшаяся им на первом процессе – щадить Москву, возлагая ответственность за неправомерные действия хороших чекистов на врагов, пробравшихся в руководство государства и партии, – теперь утратила своё значение.

«В тот период директивами центра нам предоставлялось право ареста по оперативным спискам без санкции прокурора. Перебежчики же и харбинцы подлежали аресту даже без наличия на них материалов, и для рассмотрения дел обвинительные заключения были не обязательны. [...] Это порядок был установлен не Карамышевым, а авторитетными вышестоящими органами. Да и судебные инстанции в той обстановке рассматривали дела

²¹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 448.

²²⁰ Там само, т. 13, арк. 448.

в таком же примитивном порядке и ведь одна очень авторитетная судебная инстанция рассматривала в день 30 дел», – заявлял Карамышев²²¹. Оценивая работу тройки, Карамышев высказался ещё более недвусмысленно:

«По этому пункту обвинения [о работе тройке] прокуратура ссылается на закон, но я считаю, что здесь говорить о законах неуместно, так как сами тройки не были предусмотрены законом»²²².

Однако бывший начальник не допускал малейшего сомнения в том, что репрессии и форма их проведения были правильными. Его беспокоило только то, что теперь обвинение стремилось использовать это для максимального наказания.

«Дела на этих лиц рассмотрены правильно, как по существу, так и по форме, и политике партии действия тройки не противоречат», –

утверждал Карамышев²²³. Его подход критиковать те или иные детали в деятельности московского руководства, но в целом хвалить его, сопровождался старой стратегией, опробованной на первом процессе. Вина за «эксцессы» перекладывалась на украинские республиканские структуры. Так, он сначала признал, что под его руководством в управлении имели место «безобразия» в процессе следствия, но вслед за этим сразу же всю вину за это полностью переложил на Киев:

«[...] безобразия продолжали ещё иметь место, что объясняется тем, что в отдельные периоды я фактически был отстранён от руководства, которое переходило к бригадам, приезжавшим из Киева»²²⁴.

В результате у него оставался только один выход – каким-нибудь образом исправить ошибки, совершенные киевскими «гастролёрами». Жаловаться же Киеву на то, что бригада из НКВД УССР под руководством Злобинского избивала подсудимых, утверждал Карамышев, было бесполезно²²⁵.

²²¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 447.

²²² Там само, арк. 449.

²²³ Там само, арк. 449 зв.

²²⁴ Там само, арк. 448.

²²⁵ Там само.

Трушкин, в отличие от Карамышева, практически уже не защищался. Очевидно, он понял, что пробил его последний час. Он не только отказался от последнего слова, но и предпринял во время суда попытку бежать и был задержан в вестибюле здания УНКВД²²⁶.

Приговор, который был вынесен Карамышеву на втором суде, уже не был оправдательным. Теперь его приговорили к расстрелу. Такая же судьба постигла Трушкина. Наказание Воронина было серьёзно увеличено – десять лет лагерей вместо трёх, а получивший ранее условный срок Гарбузов был теперь приговорён к восьми годам лагерей. Акта о приведении приговора в исполнение в отношении Карамышева и Трушкина в деле не имеется. Вероятно, их расстреляли сразу после приговора в марте 1941 г.

Мотивировочная часть приговора этого процесса оперировала, главным образом, старыми, лишь слегка дополненными материалами, которые уже использовались для обоснования первого приговора, но в этот раз материалы интерпретировал «правильный» состав новых судей²²⁷. Теперь трибунал счёл доказанным, что Карамышев был прекрасно осведомлён обо всех нарушениях «социалистической законности», им же были санкционированы противоправные действия Трушкина, Воронина и Гарбузова в отношении арестованных, а также фальсификация материалов следствия. Суд больше «не видел» никаких аргументов в пользу Карамышева. Внезапно выяснилось, что он действовал вопреки приказам и директивам, т. е. давал распоряжения о том, чтобы специалистов – лиц, имевших профессиональную квалификацию, судила «национальная тройка», при этом были репрессированы люди, арестованные уже после 1 августа 1938 г.

В отношении Воронина и Гарбузова, в сравнении с первым судом, из приговора полностью исчезла формулировка о том, что некоторые факты были «не доказаны» следствием. Все выдвинутые против них обвинения теперь считались полностью

²²⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 448

²²⁷ Там само, арк. 484–488.

доказанными с помощью свидетельских показаний и документальных материалов.

Что касается Трушкина, то теперь мотивировка приговора была гораздо короче и лапидарней, и в ней больше не упоминалась его многолетняя служба в органах госбезопасности и армии²²⁸.

Смена состава военного трибунала и небольшое изменение в подборе состава свидетелей привели к тому, что двое подсудимых чекистов получили теперь совершенно другой, «растрельный» приговор, а ещё двое были приговорены к более длительным срокам заключения. Ядро обвинения в должностных преступлениях образовывали халатное отношение к служебным обязанностям, манкирование агентурной работой, внесение исправлений в протоколы допросов и другие материалы следствия, их неполнота и избирательный подбор, нарушение директив и приказов, самовольные действия и применение «мер физического воздействия».

Диктатура воспитания

Процессы над чекистами, в том числе над сотрудниками УНКВД по Николаевской области, имели много общего с «Большим террором». Как и операции НКВД 1937–1938 гг., аресты и суды над «нарушителями социалистической законности» были главной составляющей массовой карательной кампании, осуществлявшейся повсеместно во всесоюзном масштабе. Тем не менее, процессы над чекистами состоялись далеко не во всех республиках и областях Советского Союза. Так, в 1939–1941 гг. не было ни одного суда над сотрудниками НКВД в Грузии. Здесь в результате вмешательства нового народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии всё ограничилось лишь расследованием «перегибов». Зато в Украине процессы над чекистами были организованы во всех областях, а также в Молдавской АССР. Суды состоялись также в «новых» областях Украины, выделенных в 1939–1941 гг. из состава «старых», как это было

²²⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 484–488.

в случае с Кировоградской областью, выделенной в январе 1939 г. из Николаевской области²²⁹.

Кампанию по восстановлению «социалистической законности» с массовыми репрессиями «Большого террора» также роднило тайное проведение судебных процессов, несмотря на то, что суды над чекистами можно признать «полуоткрытыми», поскольку в них принимали участие многочисленные свидетели из числа бывших подследственных и коллег-чекистов. Одинаковым также было «принуждение» судей к осуждению подсудимых, специально отсортированных в духе кампании. Нам не известно ни одного случая, чтобы кто-либо из отданных под суд чекистов был в конечном итоге оправдан. Характерные совпадения имеются также на уровне деталей. Как и в случае с массовыми операциями 1937–1938 гг., у обвиняемых чекистов не было официальных защитников, хотя они и могли защищать сами себя, в отличие от жертв внесудебных карательных инстанций «Большого террора». При этом подсудимые чекисты лично присутствовали на заседаниях суда, что, в свою очередь, роднило эти суды с Московскими показательными процессами.

Теперь о различиях. Главным отличием в сравнение с «Большим террором» было содержательное «наполнение» кампании. Чекистов осуждали за служебные преступления. Это главное обвинение, выдвинутое в их адрес со стороны советского государства, заменило, начиная примерно с осени 1938 г., обвинения политического свойства, как правило, в троцкизме, которые практически всегда использовались в случае осуждения чекистов и других представителей партийно-государственных элит. Соответственно «политические» статьи УК отступили на задний план. Если сформулировать более абстрактно, то теперь на первом месте у элит должна была находиться не политическая «правоверность», а лояльность по отношению к советскому государству. Ритуальное обвинение в троцкизме (или пра-

²²⁹ В распоряжении коллектива авторов имеются материалы судебных процессов над сотрудниками НКВД, состоявших в Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Каменец-Подольской, Киевской, Кировоградской, Харьковской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Хмельницкой, Черниговской областях и Молдавской АССР.

вом уклоне), доведённое в 1936–1938 гг. до абсурда и лишённое смысла, было теперь заменено (и, очевидно, не только в случае с чекистами) более рациональной карательной практикой, главным ориентиром для которой выступали интересы советской государственности. Тем самым были усилены тенденции, уже наблюдавшиеся в ходе «Большого террора» в рамках массовых репрессий, когда обвинения политического свойства и соответствующие статьи УК зачастую использовались скорее в качестве вспомогательного средства, с помощью которого следствие стремилось гарантировать осуждение²³⁰.

В таком развитии событий прослеживалась определённая логика. Начиная с середины 1930-х гг., политическая оппозиция в Советском Союзе практически не существовала, а сам СССР уже с начала 1930-х годов переживал фазу последовательного огосударствления, которая сопровождалась унификацией идеологии. Наглядным воплощением унифицированной идеологии стал «Краткий курс истории ВКП(б)». Это означало, что советское государство и коммунистическая партия, всё теснее сраставшаяся с государством, регулировали экономику и общество преимущественно посредством государственных институтов²³¹.

²³⁰ Карательные и партийные органы продолжали успешно использовать обвинения в троцкизме и далее, но не столь систематически, как в 1930-е гг.

²³¹ Общественные организации, обладавшие вплоть до конца 1920-х гг. определённой автономией, были либо распущены, либо преобразованы в придаток государства. См. напр.: *Юнге М.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935. – М., 2015.

Усиленное внимание феномену огосударствления СССР уделяет немецкий историк Бенно Эннкер. Он пишет о своеобразном/ненормальном процессе основания сталинского государства на новых условиях не только применительно к новой конституции, но и к формированию нового «советского народа», который в конечном итоге испытал это огосударствление на себе. См.: *Эннкер Б.* Советский народ, сталинский режим и конституция 1936 г. в политической истории Советского Союза: исследовательские подходы и предварительные выводы // *Soviet History Discussion Papers.* – 2014. – № 3 (режим доступа: http://www.perspectivia.net/publikationen/shdp/ennker_narod, дата обращения: 18.01.2016). В переписке с автором 17 января 2016 г. Б. Эннкер дополнительно отметил: «Точнее говоря, здесь, без сомнения, должна идти речь о процессе основания имперского государства».

Изменение карательной политики таило в себе существенные преимущества как для следователей УНКВД по Николаевской области и республиканского аппарата НКВД, так и для юристов из состава войск НКВД Киевского Особого военного округа, задействованных в кампании по наказанию «перегибщиков». Теперь для них было ненужным прилагать усилия для того, чтобы доказать участие чекистов в мифической троцкистской организации, чтобы лишь потом, попутно и как бы между делом, наказать их за должностные преступления. Теперь они могли сразу же начинать с уличения подследственных в пытках, фальсификации материалов следствия, коррупции и нарушении приказов. Кроме того, это было тем легче сделать после «Большого террора», чем больше перед этим власть терпела и даже поощряла все эти должностные преступления, а теперь высшее политическое руководство вдруг неожиданно стало требовать покарать их как недопустимые эксцессы. То, что предварительно следствие и сами судебные процессы над чекистами в Николаеве оставляют впечатление относительно «чистых» формально-юридических процедур, объясняется именно отпадением фиктивных «политических» пунктов обвинения, а также предварительным отбором в качестве «козлов отпущения» наиболее запятнавших себя сотрудников госбезопасности.

Внимания заслуживает то, что следственные комиссии, а потом и сами следователи рекрутировались из личного состава того же самого учреждения, которое они должны были подвергнуть проверке. В случае с ними речь не шла о профессиональных юристах. Возможно, за этим обстоятельством скрывалось стремление более удобно манипулировать кампанией по восстановлению «социалистической законности» для достижения целей, намеченных в интересах государства.

Однако непосредственное тесное участие сотрудников НКВД в чистке собственных рядов не имело функцию защитить НКВД от «нападков». Напротив, это можно трактовать как важную программную часть кампании по восстановлению «социалистической законности». Очевидно, на фоне возврата себе московским центром карательной компетенции, делегирован-

ной ранее периферии, следствие и судебные процессы в Николаеве играли важную дидактическо-воспитательную роль.

Таким образом, концепция широкомасштабной «бериевской чистки» сводилась к следующему: НКВД должен был «высечь» сам себя под руководством и надзором политического центра в Москве и военной прокуратуры. Сначала были образованы внутренние следственные комиссии НКВД, задачей которых было «вскрыть» общие проявления нарушений социалистической законности аппаратом и показательно выявить из общей массы чекистов главных «козлиц», в том числе занимавших высокие должностные посты. Речь здесь шла о предварительной селекции и показательности наказания, которое должно было оказать на «органы» воздействие требуемого диапазона. Об этом свидетельствует то, что другие высокопоставленные сотрудники НКВД, в отношении которых имелись материалы, изобличавшие их в пытках, издевательствах и т. п., не были арестованы и судимы. Их лишь понизили в должности, перевели на новое место работы или уволили, как это было в случае с бывшим заместителем начальника УНКВД по Николаевской области А. Ф. Поясовым или бывшим начальником УНКВД по Николаевской области И. Б. Фишером, уволенным ещё в марте 1938 г. Параллельно тема должностных преступлений в обязательном порядке обсуждалась на собраниях сотрудников управлений НКВД, которые проходили в каждой области с участием представителей партии и прокуратуры.

После этого на местах были проведены «полуоткрытые» судебные процессы с участием большого количества свидетелей из числа партийно-советских элит и аппарата НКВД. Местом проведения процессов сознательно выбиралось здание (или клуб) областного управления НКВД. Их целью была критика прежнего стиля работы с помощью конкретных примеров, а также выработка будущих методов деятельности органов госбезопасности. Помимо этого, предполагалось, что выступавшие на процессах свидетели из числа партийной элиты, полностью очищенные от прежних обвинений, послужат для общества неформальным источником информации о том, что сотрудники НКВД, виновные в массовых репрессиях прошлых лет и

обманувшие государство и партию, теперь партией и государством выявляются и наказываются. Триумфальный приём, устроенный освобождённым инженерам и техникам на судостроительном заводе в Николаеве их коллегами, косвенно подтверждает успех этого концепта в рамках всего Советского Союза. Помимо судебных процессов, многие сотрудники НКВД получили выговоры и взыскания, были переведены на другие должности и даже уволены из «органов» по обвинениям в должностных проступках, связанных с нарушением «социалистической законности»²³².

Дидактическая функция кампании по восстановлению законности была ограничена рамками, установленными Москвой. Она не повлекла за собой массового освобождения *уже осуждённых* жертв «кулацкой» и «национальных» операций НКВД, равно как и *уже осуждённых* представителей советских элит. Речь может идти лишь об отдельных освобождениях²³³. Главное счастье выпало на долю тех *арестованных*, по делам которых ещё не было завершено следствие или вынесенный приговор ещё не был приведён в исполнение. В соответствии с неформальным характером кампании советская пресса, за редким исключением, держалась в стороне. Так, центральный орган ЦК КП(б)У «Коммунист» в течение трёх дней, в конце декабря 1938 – начале января 1939 г., опубликовал на задних стра-

²³² Точные сведения о том, кто был уволен из органов НКВД, а кто «отделался» порицанием за «нарушение социалистической законности», будут получены только в результате систематического просмотра материалов суда и следствия.

²³³ За время между 17 ноября 1938 г. и 10 февраля 1939 г. в Украине было освобождено только 2,8% лиц, репрессированных в рамках операции НКВД по приказу № 00447 и Особым совещанием (3441x100/121994=2,8%). В Николаеве доля освобождённых была ещё ниже – 1,1% (216x100/18930=1,1%). При этом передача дела на рассмотрение суда или Особого совещания существенно повышала шансы на освобождение (по Украине к 10 февраля 1939 г. были доследованы дела на 10 130 чел., из них прокуратуре на предмет освобождения были переданы дела на 3441 чел., по Николаеву были доследованы дела на 853 чел., из них освобождено 216). См.: ГДА СБ України, ф. 16, спр. 324, арк. 65; «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2. – С. 483–487.

ницах отчёт о судебном процессе над чекистами Молдавии, обвинявшимися в нарушении социалистической законности²³⁴. Несмотря на то, что это был единичный случай такого рода в Украине, данная газетная статья сыграла свою роль в дисциплинировании аппарата госбезопасности, поскольку в газете открыто писалось о том, что все четверо обвиняемых были осуждены к смертной казни.

Нельзя также говорить, основываясь на материалах судебных процессов в Николаеве, что целью кампании было уничтожение «ежовского» клана или «клана Успенского», хотя следствие уделяло особое внимание отношениям обвиняемых чекистов с Успенским.

Дидактический концепт кампании по восстановлению «социалистической законности» имел для партии и государства сталинской формации лишь одни преимущества. Осуждение чекистов и освобождение инженеров стали краеугольным камнем для успокоения ситуации, но при этом власть не сделала обществу каких-либо серьёзных уступок. Напротив, путь радикального переустройства экономики и социума, выбранный раз и навсегда, был сохранён без каких-либо корректив. Но стратегия охлаждения горячих голов и понижения градуса репрессий прекрасно функционировала. Даже самые юные и рьяные карьеристы и «благоприобретатели» сталинской системы, такие, как первый секретарь Николаевского обкома ВКП(б) П. И. Старыгин и его преемник С. И. Бутырин, очень быстро осознали, что охота на «врагов народ» (т. е. тех, кто был замечен в нелояльности) ведётся теперь не в массовом порядке, а избирательно. Поэтому необходимо сократить «антивражескую» риторику

²³⁴ Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст. – 1938. – 30 декабря. – № 299 (5876). – С. 4; 1938. – 31 декабря. – № 300 (5877). – С. 4; 1939. – 1 января. – № 1 (5878) – С. 4. В прессе Сибири также напечатаны статьи. См.: *Тепляков А.Г.* «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплёке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) – Новосибирск, 2011. – С. 141–154.

и, что особенно важно, значительно ограничить публичное бичевание конкретных людей²³⁵.

В вину режиму следует поставить затянувшуюся промежуточную фазу кампании после 17 ноября 1938 г., в течение которой производилась селекция «козлов отпуска» и статистов, что значительно продлило страдания арестованных жертв «Большого террора». Сотрудники госбезопасности продолжили их мучить и после 17 ноября 1938 г., на этот раз для того, чтобы защитить самих себя от обвинений в должностных преступлениях.

О том, в какой степени границы между палачами и жертвами были расплывчатыми, свидетельствует реакция на пытки некоторых «настоящих» жертв массовых операций. Так, бывший 2-й секретарь Николаевского горкома КП(б)У Д. Ф. Кобцев, которого самого истязали во время следствия, полагал, что применение к нему мер физического воздействия было незаконным, и в то же время он считал, что их можно и следует применять по отношению «к бандитам и им подобным»²³⁶.

«Верные сталинцы» в годину перемен

Наиболее «горячая» фаза кампании по восстановлению социалистической законности пришлась в Николаеве на осень 1938 и весну 1939 гг. Комиссии, различные особоуполномоченные и оперативные уполномоченные НКВД зондировали поч-

²³⁵ Старыгин находился в мае 1938 г. на «переднем фронте» борьбы с «врагами народа всех мастей», включая своё окружение. Но уже в феврале 1939 г., спустя немногим меньше года, он держался нейтрально и сменил место работы, перебравшись в Киев, в республиканский народный комисариат пищевой промышленности. Бутырин, занявший пост первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У, ограничивался в 1939 г. общей риторикой в адрес «врагов народа» и призывами к большевистской бдительности. Такая «умеренность» была свойственна для подавляющего большинства его выступлений, в том числе по поводу дел в «оборонной» судостроительной промышленности. См.: Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 3, арк. 1–271, арк. 1–19 (Старыгин); спр. 35, арк. 1–6 (Бутырин), 88–92 (Самарин, директор завода им. А. Марти), 127–135 (М. Г. Пивень, о морском флоте), 163–185 (Филиппов и Максимов о чистке партии в индивидуальном порядке).

²³⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 264.

ву для того, чтобы «отфильтровать» из числа сотрудников госбезопасности конкретных обвиняемых. В УНКВД это было нелёгкой задачей, поскольку «взятые на прицел» чекисты получили полную поддержку руководства управления, которое использовало для их защиты все ресурсы, в том числе агентуру. В свою очередь, потенциальных «козлов отпущения» было не разлить водой, они всячески поддерживали друг друга, сопротивлялись грозившему им аресту и осуждению.

В ходе этой нешуточной борьбы выяснилось даже то, о чем чекисты думали, но не могли вслух высказать в свою защиту: в донесениях агентов, которыми они «дирижировали», под видом «вражеских» заявлений освобождённых подследственных на самом деле фигурировала собственная критика чекистов в адрес действий руководства страны. Московский центр представлялся в этих сообщениях наивным и нерешительным, а также звучали косвенные предупреждения об опасных последствиях кампании по наказанию нарушителей «социалистической законности». Речь подспудно заходила о том, что государство и партия сами готовили почву для массовых репрессий. Однако не стоит понимать такого рода пассажи как критику самой системы, чекисты лишь намекали власти на возможность мягкого и корректного обхождения с теми, кто не жалея сил претворял в жизнь директивы государства. Власть не отреагировала на эти предупреждения и призывы, как и не обратила внимания на попытку дискредитации бывших жертв, которая была предпринята чекистами с помощью агентурных сообщений. Поскольку сотрудники НКВД формулировали своё обращение к власти в привычном, но устаревшем стиле борьбы с «троцкизмом», оно так и не было услышано.

И всё же поначалу обвиняемые чекисты имели все основания не отчаиваться. Чувство солидарности, которое испытывало к ним местное николаевское начальство, простиралось настолько далеко, что осенью 1940 г. с помощью местных судей и лояльного судьи военного трибунала они были оправданы или получили сравнительно мягкие наказания. Казалось, что чекистская обязанность защищать советское государство, в крайнем случае, даже пренебрегая законом, смогла, полностью

в духе понимания чекистами собственной роли в «Большом терроре», нейтрализовать обвинение в тяжёлых должностных преступлениях. В результате только вмешательство со стороны Москвы, указавшей на важность задач кампании и её воспитательной цели, привело к вынесению жёстких приговоров в отношении всех четырёх обвиняемых. При этом новое следствие пользовалось «старыми» материалами, но теперь Москва сознательно ограничила свободу суда в их интерпретации. Приговоры, прозвучавшие теперь в адрес Карамышева и его подельников, выглядели особенно суровыми на фоне аналогичных процессов, например, в Одессе. Можно предположить, что новый судья, возглавивший трибунал, равно как и его заседатели, были уверены в пристальном внимании со стороны Москвы. Они показывали особое рвение, чувствуя себя обязанными вынести особенно суровые приговоры. Если рассматривать ситуацию под этим углом зрения, то становится очевидным, что оправдательный приговор, первоначально вынесенный Карамышеву, который являлся результатом специфического стечения обстоятельств и, соответственно, сравнительно мягкие приговоры, вынесенные его подельникам, имели в конечном итоге фатальные последствия для обвиняемых чекистов. То же можно утверждать в отношении организованных и активных тактик самозащиты, к которым прибегли обвиняемые и которые обратили на себя внимание. Всё это теперь было жёстко наказано.

На фоне оправдательных приговоров, вынесенных на первом суде, есть все основания говорить о сильном корпоративном духе чекистов, но не стоит придавать ему особой действенной силы. Напротив, самый главный заступник обвиняемых, начальник УНКВД Юрченко, мобилизованный на работу в «органы» из партийных рядов, из-за своего заступничества, а также дилетантских методов работы, впал в немилость²³⁷. Его взлёт по карьерной лестнице от сотрудника партийной газеты и 1-го секретаря Базарского райкома КП(б)У (Житомирская область) до начальника УНКВД по Николаевской области завершился

²³⁷ ГДА СБ України, ф. 16, спр. 421, арк. 108–119.

крахом. В сентябре 1940 г. Юрченко был снят с поста и в октябре 1940 г. уволен из органов. С февраля 1941 по июнь 1941 г. он работал директором мельницы, а потом его «выручила» война – с октября 1941 г. он служил в системе армейских Особых отделов.

Все это можно также трактовать следующим образом: московский центр провёл кампанию по восстановлению «социалистической законности» и связанный с ней поворот в карательной политике с позиции сильного политического актёра, в интересах консолидации и укрепления системы, не страшась внутренней конкуренции. В пользу этого предположения говорят относительно большие масштабы акции по освобождению «врагов народа» – людей, которые до 17 ноября 1938 г. расценивались как в высшей степени опасные элементы.

Для осуждённых чекистов падение вниз с вершин служебной лестницы психологически было тяжёлым испытанием. Все они без исключения были верными сталинцами, которые в собственных глазах делали всё возможное для достижения целей режима. Их личная цель в ходе судебных процессов сводилась к тому, чтобы доказать свою политическую и моральную лояльность по отношению к власти, что они и делали, в отличие от нацистов на Нюрнбергском трибунале, причём громко и с большим пылом. Они не могли и не хотели ставить под сомнение сталинский режим.

Исходя из этой перспективы, чекисты с полным правом могли настаивать на том, что они стали жертвой внезапного изменения политики государства, которое цинично и успешно использовало их в качестве «козлов отпущения», наказав за свои собственные «грехи». В своём восприятии, которое в целом отвечало действительности, чекисты всегда делали то, что от них требовалось, и даже если при этом допустили «пару ошибок», то полагали, что ошибки легко поддаются исправлению и не заслуживают наказания. В таких условиях не было необходимости демонстрировать раскаяние за совершенные преступления. Поэтому тема преступного приказа как основания их действий («Befehlsnotstand») играла в защитной стратегии подсудимых сотрудников органов НКВД второстепенную

роль. Не возникает впечатления, что они нарушали закон исключительно под давлением начальства, в слепом послушании, руководствуясь конформизмом или стадным чувством, или из страха, и что при этом они переступили через сомнения или моральные убеждения. Чекистов мало интересовала законность приказов и директив, поскольку эти преступные приказы скорее были им близки и понятны²³⁸, и о моральных сомнениях здесь также не было речи. Эти приказы для них были узаконены авторитетом высших партийно-советских органов, или, если говорить словами Ханны Арендт, воля политического руководства имела решающее значение для определения правомерности или противозаконности действия²³⁹.

Но с юридической точки зрения невозможно освободить чекистов от ответственности за совершенные преступления. За редким исключением, ни во время, ни после «Большого террора» они не задумались о преступной стороне своих деяний, как не задумывались они о том, что их кумиры в Киеве и Москве также действовали незаконно и преступно²⁴⁰.

Авангард или «совершенно обычные мужчины»?²⁴¹

Падение чекистов, как показывает в том числе «николаевский случай», было особенно глубоким потому, что НКВД в го-

²³⁸ Дискуссия о виновности индивидуума, см: *Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review.* – 2013. – № 1. – Vol. 72. – P. 4.

²³⁹ *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus. Imperialismus. Totalitarismus.* – München, 2003. – S. 844.

²⁴⁰ Были те, кто всё понимал. Бывший начальник УНКВД по Челябинской области Ф. Г. Лапшин, арестованный в 1939 г., в своих показаниях выделил особую главу «Как я стал преступником», в которой, в частности, писал: «Были моменты, когда во мне просыпались чувства совести, стыда и раскаяния. Являлось желание рассказать об этом откровенно и прекратить творимые преступления. Но боязнь ответственности останавливала, и я опять уходил в себя. Машина продолжала работать по-прежнему...» См.: *Вепрев О.В., Лютюв В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале.* – Челябинск, 2002. – С. 311–312. Автор благодарит Алексея Теплякова за указание на эту цитату.

²⁴¹ Калька термина «ordinary men», которым в историографии национал-социализма описывают феномен рядовых исполнителей, являющихся в ру-

ды «Большого террора» стал играть в этой области Украины роль ключевого органа управления и контроля. Политическая полиция с большим рвением брала на себя, наряду с решением социальных задач, также задачи поддержания функционирования наиболее важных отраслей народного хозяйства. В Николаеве УНКВД во главе с Карамышевым усиленно контролировало судостроительные заводы и своими специфическими методами боролось с дезорганизацией производства, коррупцией и халтурой, которые, без сомнения, получили здесь широкое распространение²⁴². При этом Карамышев действовал не по принуждению и не только под давлением из Киева и Москвы, но, главным образом, по собственной инициативе и с большим рвением. Если формулировать абстрактно, то данный сотрудник карательных органов не был лишь жертвой стечения обстоятельств и времени или слепым орудием государственных и партийных мета-структур. Он был тем, кто плечом к плечу со Старыгиным, новым первым секретарём Николаевского обкома КП(б)У, молодым и идеологически подкованным, обвинял на VI городской и на областной партийных конференциях, состоявшихся в мае 1938 г., различные парторганизации области, в первую очередь заводские. Ссылаясь на Сталина, Карамышев потребовал настоящей большевистской бдительности и неприимости к врагу. При этом он отчитал обком КП(б)У и советские структуры – публично и даже с упоминанием конкретных имён – за провалы в области экономики (промышленность и торговля) и народного образования. Резкой критике со стороны Карамышева подвергся второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Д. Х. Деревянченко, который, с его точки зрения, уделил недостаточное внимание кампании по критике и самокритике. Карамышев также публично скомпрометировал начальника корпусного цеха завода № 200 Л. П. Фомина, засту-

ках государства не только послушным, но и добровольным активным инструментом для осуществления массовых карательных акций.

²⁴² См. негативные высказывания свидетелей по поводу методов и организации работы обвиняемых инженеров и специалистов, прозвучавшие на судебном процессе 4–8 апреля 1939 г. ГДА СБ України, Миколаїв, ф. 6, спр. 1192-с, т. 9, арк. 41–57.

пившегося за бывшего директора завода Ф. Я. Плетнёва²⁴³. После этого на первой областной партконференции, состоявшейся 24–29 мая 1938 г., Карамышев был избран членом обкома КП(б)У и его бюро. В газетах его имя упоминалось сразу же вслед за именами трёх секретарей обкома партии²⁴⁴. 25 июня 1938 г. его избрали депутатом Верховного Совета УССР и за заслуги перед партией и государством наградили орденом Ленина – в конечном итоге телеграмма Фриновского не причинила ему вреда²⁴⁵.

Однако Карамышев этим не ограничился. Весной 1938 г. он фактически возглавил в области кампанию по укреплению судостроительной отрасли, начатую по указанию Москвы. Старт этой кампании в Николаеве дала статья под названием «Навести большевистский порядок на водном транспорте», опубликованная в газете «Южная правда» в конце марта 1938 г.²⁴⁶ Целый месяц, начиная с конца мая и по конец июня 1938 г., местная пресса опубликовала с равномерными промежутками пять больших статей Карамышева, каждая из которых занимала около трети газетной страницы. На работе, в публичных выступлениях на партконференциях, в газетах начальник УНКВД преподносил себя как настоящего «ястреба», каждый раз пугавшего всех угрозой «деятельности иностранных фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской, буржуазно-националистической и прочей агентуры», инструментом которой служили бесчисленные саботажники²⁴⁷. Его статьи сопровож-

²⁴³ Карамышев П.В. Выше революционную бдительность // Южная правда. – 1938. – 23 мая. – № 110. См. Там само: Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 3, арк. 1–7, 167–170.

²⁴⁴ Первая Николаевская партийная конференция закончила свою работу // Южная правда. – 1938. – 30 мая. – № 116. – С. 1.

²⁴⁵ Сегодня все на выборы Верховного Совета Украины! // Там же. – 25 июня. – № 139. – С. 8.

²⁴⁶ Навести большевистский порядок на водном транспорте! // Там же. – 30 марта. – № 67. – С. 1.

²⁴⁷ Именно такое впечатление Карамышев производил на своих подчинённых: «Карамышев прибыл на работу в Николаевское УНКВД в марте м-це 1938 г. В мае м-це 1938 г., выступая на областной конференции КП(б)У,

дались резолюциями и призывами собраний рабочих соответствующих заводов, которые перед лицом грозящей опасности обещали трудиться ещё лучше и больше²⁴⁸. Эти обещания не в последнюю очередь были результатом выступлений Карамышева на массовых собраниях трудовых коллективов²⁴⁹.

Областная парторганизация также внесла весомый вклад в кампанию по укреплению судостроительной промышленности, публично заявив на облпартконференции о чрезвычайных недостатках в работе заводов № 200 и № 198. В первую очередь – о «вражеском саботаже» на заводе № 200, который привёл к взрыву котлов, в результате чего имелись погибшие и раненые, а также стал причиной производственного брака и падения рабочей морали²⁵⁰. Месяц спустя, 22 июня 1938 г. бюро Николаевского обкома КП(б)У приняло постановление, заклеившее плачевное техническое, организационное, идеологическое и политическое состояние завода № 200 и его руководства. В заключительной части постановления говорилось, что

«завод стал на антигосударственный путь невыполнения задания правительства и партии в вопросе создания мощного военного флота для страны»²⁵¹.

В начале июля 1938 г. «Южная правда» опубликовала речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Кали-

он в своём выступлении нарисовал довольно мрачную картину, сводящуюся к тому, что всюду и везде кишат враги, шпионы». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 133–141; *Карамышев П.В.* О методах и приёмах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры // Южная правда. – 1938. – 23 мая. – № 110; 24 мая. – № 111; 4 июня. – № 120; 9 июня. – № 124; 30 июня. – № 144; 4 июля. – № 146; 10 июля. – № 151. Статьи публиковались под одним и тем же названием как продолжение первой.

²⁴⁸ «До конца разгромить вражескую агентуру». Обзор писем и откликов трудящихся на статьи П. В. Карамышева «О методах и приёмах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры» // Южная правда. – 1938. – 15 июля. – № 155. – С. 3.

²⁴⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 430 зв.

²⁵⁰ Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 4, арк. 87–89; спр. 5, арк. 110.

²⁵¹ Там само, спр. 18, арк. 128–131.

нина «За большой советский морской флот» от 19 июня 1938 г. перед рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими Ленинградского завода им. Орджоникидзе. Калинин требовал строить морские суда как можно скорее, как можно дешевле и с максимальным качеством. Он заявил, что советская страна находится в состоянии острой конкуренции с капиталистическими странами, и в этой борьбе необходимо победить. Определённым контрапунктом к выступлениям Карамышева прозвучало заявление Калинина о том, что «все недостатки хотят взвалить на вредителей». Напротив, он призывал к решительной самокритике²⁵².

На этом фоне Карамышев представлял собой уже не подчинённого, действия которого определялись вышестоящей инстанцией, а активнейшего участника кампании по строительству военно-морского флота. Её важность в Николаеве засвидетельствовали в июне и июле 1938 г. телеграмма заместителя наркома внутренних дел СССР Фриновского, визит наркома внутренних дел Украины Успенского, визит первого заместителя наркома оборонной промышленности СССР Тевосяна. Пожар, случившийся на судостроительном заводе в начале августа 1938 г., стал для Карамышева настоящим ударом, который он и его аппарат попытались компенсировать привычными «чекистскими» методами с большим рвением.

В ходе судебных процессов над чекистами выяснилось, что вопреки внешнеполитическим моментам, превалировавшим в идеологической кампании, развёрнутой вокруг военно-морского флота, Карамышева интересовали почти исключительно местные проблемы и он, в тесном симбиозе и сотрудничестве с партийным руководством области²⁵³, при мощной поддерж-

²⁵² Калинин М.И. За большой советский морской флот. Из речи на собрании рабочих, инженеров и технических работников и служащих завода им. Орджоникидзе в Ленинграде от 19 июня 1938 г. // Южная правда. – 1938. – 8 июля. – № 148. – С. 2.

²⁵³ Пиком такого сотрудничества являлось участие первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У П. И. Старыгина в допросах членов КП(б)У. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 2, арк. 1–9. Кроме того, секретарь обкома регулярно принимал участие в оперативных совещаниях сотрудников УНКВД. См.: Там само, т. 13, арк. 430 зв.

ке республиканского руководства госбезопасности и КП(б)У, а также прокуратуры, боролся с «внутренними врагами» и активно использовал для этого предоставленную ему свободу действий. Уверенной рукой он интерпретировал в нужную для себя сторону расплывчато сформулированные приказы Москвы.

Осуждённые сотрудники СПО УНКВД во главе с Трушкиным действовали с не меньшим энтузиазмом, чем Карамышев, но уже на уровне непосредственного выявления и уничтожения «врагов». Едва ли возможно охарактеризовать этих чекистов, включая Карамышева, как «ordinary men». Хотя они были малообразованными выходцами из социальных низов, фактически именно эти люди являлись «выдающимся элементом» советского общества и именно так они воспринимали сами себя. Они превосходно уживались с системой, продуктом которой они были и внутри которой они сделали головокружительную карьеру. Эта система в период «Большого террора» вновь предложила сторонникам крайних мер и карьеристам из числа чекистов большое поле для деятельности. Осуждённые сотрудники УНКВД ничего не имели против пыток и фальсификации документов в интересах «облегчения» и «ускорения» своей работы, но не были садистами, действовавшими в своих личных интересах. Их цель заключалась в том, чтобы обеспечить на местах безопасность молодой развивающейся социалистической системы. В этих условиях ситуативное²⁵⁴ насилие также играло подчинённую роль. Их преступления нельзя документально обосновать чрезвычайно высоким градусом идеологизации. Скорее, они действовали в условиях чрезвычайно «перегретой атмосферы» беспощадной насильственной стабилизации потрясений, вызванных сталинской перестройкой экономики и общества.

По причине колоссального роста полномочий и масштаба возложенных общественно-политических и экономических задач, органы госбезопасности неминуемо должны были оказаться между молотом и наковальней. Требования, обращённые к

²⁵⁴ Под ситуативным насилием подразумеваются формы насилия, которые невозможно интерпретировать как стратегические действия. Речь, как правило, идёт о локальном, бесконтрольном и спонтанном насилии.

промышленным предприятиям Николаева, были «перегружены» необоснованными ожиданиями, в то время как технические и организационные возможности были крайне ограниченными, а кадры специалистов – недостаточными. На производстве царил нехватка материалов, отсутствовали требуемые специалисты, имевшееся сырье было плохого качества, организация трудового процесса носила хаотический характер²⁵⁵. Решение проблемы, по версии местного управления НКВД – стабилизировать ситуацию с помощью арестов и запугивания, приписывая рабочим и инженерам активный и сознательный саботаж, принесло весьма скромный успех, хотя чекисты таким образом и смогли застраховаться от возможных обвинений в халатности. Пожар на судостроительном заводе № 200 летом 1938 г. был не только огромным фиаско николаевских чекистов, но, в первую очередь, являлся символом плачевного провала государственной политики, направленной на то, чтобы решать насущные проблемы общества и экономики с помощью органов госбезопасности и милиции.

Перевод Андрея Савина

Юнге М. «Цапи відбували» пручаються. Процеси над порушниками «соціалістичної законності» в Миколаївській області в 1939–1941 рр.

Досліджуються обставини обвинувачення співробітників УНКВС по Миколаївській області в масових арештах і вбивствах громадян під час «Великого терору», проведення судових процесів над чекістами.

Ключові слова: органи державної безпеки, Миколаївська область, «Великий терор».

Junge M. The Scapegoats Stand Against. The Processes on the «Socialist Legitimacy Breachers» in Mykolaiv Region in 1939–1940

Author researches the circumstances of accusing the Mykolaiv region NKVD officers of mass arrests and murders during The Great Terror and the court processes on these cases.

Key words: state security bodies, Mykolaiv Region, The Great Terror.

²⁵⁵ ГДА СБ України, Миколаїв, ф. 6, спр. 1192-с, т. 9, арк. 41–57.